

Венюков Михаил Иванович

Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее до моря

Аннотация

«В конце 1857 года, с получением в Санкт-Петербурге известия об открытии на западном берегу Японского моря заливов Владимира и Ольги, решено было открыть сообщение с этими местностями от Амура по реке Уссури, которой верховья должно было предполагать по близости моря, а именно невядалеке от той его части, где, по наблюдениям на пароходе «Америка», лежит Владимирский порт...»

В конце 1857 года, с получением в Санкт-Петербурге известия об открытии на западном берегу Японского моря заливов Владимира и Ольги, решено было открыть сообщение с этими местностями от Амура по реке Уссури, которой верховья должно было предполагать по близости моря, а именно невядалеке от той его части, где, по наблюдениям на пароходе «Америка»¹, лежит Владимирский порт.

В то же время генерал-губернатору Восточной Сибири угодно было изъявить намерение командировать (меня) с этой целью на реку Уссури, почему я и счел долгом немедленно заняться собранием и изучением источников, какие только существуют для географии этой далекой и малоизвестной страны², и озаботиться доставлением тех из них в

¹ Заливы Ольга и Владимир на побережье Приморского края были открыты в июле 1857 года при следовании русского посольства в Китай из Николаевска-на-Амуре, на пароходе-корвете «Америка» и тендере «Камчадал».

² При всей тщательности поисков отечественных и зарубежных источников, освещающих географию реки Уссури, таковых оказалось очень мало. Нижний бассейн Уссури, примерно на 150 км от устья до впадения в нее левого (китайского) притока Наоли-хэ, был описан летом в 1855 году известным русским ботаником К. И. Максимовичем (1827–1891). «Конечно, сведения, сообщенные г. Максимовичем, относились не ко всему протяжению моего пути, но они были важны тем, что представляли свидетельство единственного человека, обозревавшего Уссури в новое время, свидетельство, которое служило мне опорной точкой для оценки других источников», – писал М. И. Венюков.

«Очень важным запасом сведений... об Уссури и ее притоках, а равно и о путях, ведущих через горы к берегам морским», поделился с руководителем научной экспедиции знаменитый исследователь Дальнего Востока Г. И. Невельской. И хотя эти данные были расспросными, точность их до деталей подтвердилась во время экспедиции. «Мои проводники нередко удивлялись, откуда я знаю такие подробности, которые, по-видимому, требуют личного обозрения места», – писал позже М. И. Венюков. Обстоятельными «для уразумения настоящего положения обитателей страны» оказались сведения, разработанные академиком В. П. Васильевым (1818–1900), и собранные выдающимся русским географом П. П. Семеновым Тян-Шанским (1827–1914) данные, пополнившие перевод труда К. Риттера «Землеведение Азии».

Новые труды русских морских офицеров ознакомили М. И. Венюкова с характером побережья Японского моря, куда ему предстояло выйти.

Из зарубежных источников использовались «Путешествия» Лаперуза и Браутона (см. примечания 1.43, 1.44 к «Воспоминаниям о заселении Амура»), хотя М. И. Венюков и предполагал (что и подтвердилось) «в обоих сочинениях ошибки относительно определения астрономических пунктов», а также работы иезуитов и католических миссионеров первой четверти XVIII и первой половины XIX веков.

По трудам Н. Я. Бичурина (см. примечание 1.5 к «Воспоминаниям о заселении Амура») и В. П. Васильева исследователь Уссури получил исчерпывающие данные об имевшихся сведениях в китайских источниках. Оказалось, что наиболее полный из них – глава Шуй Дао-тигана об Уссури, составившая часть официального описания Маньчжурии, – не являлся оригинальной работой. К IV тому книги дю Гальда «Описание Китая и Китайской Татарии» была приложена карта Ж. Б. д'Анвиля (1697–1782) – члена парижской и почетного члена петербургской Академий наук, в которой содержались все данные, приведенные в Приамурской части официального китайского описания Маньчжурии. «Позволительно даже думать, – замечал М. И. Венюков, – что именно эта карта или данные, по которым она составлена, то есть съемки иезуитов в первой четверти XVIII столетия, были главным источником, по которым сочинена глава Шуй Дао-тигана об Уссури, переведенная г. Васильевым. По крайней мере все ошибки карты совершенно повторены в описании или наоборот». Незнание

Иркутск, которые можно было достать только в богатой учеными средствами столице.

Состав экспедиции, мне порученной, по самому назначению ее был очень немногочислен. Один зауряд-офицер как начальник команды, один переводчик гольдского языка³, моя прислуга и двенадцать казаков – таковы были мои спутники. Предполагалось, кроме того, дать мне в помощь двух топографов, находившихся уже в Приморской области⁴ и хорошо знающих свое дело; но топографы эти не прибыли к должному времени на Уссурийский пост⁵, потому что распоряжение о них из Иркутска⁶ было сделано несвоевременно и получено в Николаевске слишком поздно. Таким образом, весь труд съемки и других подробностей обозрения лег на меня одного. Не желая, чтобы составленная мной карта оставляла в недоразумении тех, которые бы стали впоследствии руководствоваться ею, я не позволял себе определять расстояния на глаз, а прошел все пространство от Уссурийского поста до устья Лифулэ⁷ пешком, ведя счет шагам; это значительно замедляло ход наш, потому что, оставаясь бессменным съемщиком, я должен был несколько сберечь свои силы, преимущественно для проходов через горы, и потому идти средним числом по 20–22 версты в сутки, редко более 25-ти. Путь по высокой, густой траве на берегах, местами по грязи, крупным камням или лесной чаще очень утомлял меня, так что я иногда засыпал немедленно по окончании съемочной работы, успев лишь написать дневник. Но главное, чего лишала меня необходимость непрерывно производить одну работу самому, это было собирание местных произведений и более подробное ознакомление с внутренностью страны и ее обитателями. Желая проверить, хотя отчасти, подробности д'Анвилевой карты наглядным обозрением предмета, лежащего в стороне от русла Уссури, я поручил однажды вместо себя другому осмотр на некоторое расстояние одной из побочных рек; но так как посланный не умел хорошо руководствоваться компасом, то я не смею сказать, чтобы поправки, сделанные мною в очертании правых притоков Уссури, имели какое-либо другое основание, кроме показаний местных жителей, которые я пролагал на карту. Имея в виду для расчета времени и средств заменить чем-нибудь недостаток астрономических инструментов, я вел ежедневно сложное меркаторское счисление⁸ своего пути, и оно-то заставляет меня думать, что старые определения иезуитов должны быть очень близки к истине, почему и карта д'Анвиля может считаться более верною, чем все другие, доселе изданные.

Мы отправились из Уссурийского поста в числе шестнадцати человек на двух лодках

китайскими географами Приуссурия отрицательно сказалось на китайских картах Маньчжурии, в чем М. И. Венюкова убедили снятая с китайского оригинала карта, приведенная у Бичурина, и рукописная карта Ладыженского. По этому поводу он писал: «Данными китайской картографии надобно пользоваться как можно менее, даже если бы они служили только для пополнения других». Настолько плохо была введена Пекину далекая река, бассейн которой составлял часть русского Приамурья!

³ Современное название гольдов – нанайцы.

⁴ Приморская область образована в 1856 году – с административным центром в г. Николаевске-на-Амуре, позднее переведенным в г. Владивосток.

⁵ Уссурийский пост – первоначальное рабочее название русского населенного пункта.

⁶ Иркутск – в начале второй половины пятидесятых годов XIX столетия административный центр Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, объединявшего Приамурскую, Амурскую, Якутскую, Забайкальскую области, а также Иркутскую и Енисейскую губернии.

⁷ Лифулэ – р. Тадуши, впадающая в Японское море.

⁸ Меркаторское счисление – топографическое описание.

утром 1 июня и скоро прошли горы, находящиеся на правом берегу Уссури и известные под именем хребта Хехцира (Хухчир-Хургин). Кряж этот, сколько кажется, составляет оконечность довольно высокой цепи, которая направляется от устьев Уссури к востоку и отделяет притоки Амура (Дондон) от уссурийских (Кий) и океанических (Эле-бира)⁹. Там, где он составляет горный узел с береговым меридиальным хребтом, известным под именем Сихотэ-Алинь, вероятно, и лежат источники этих рек. Спуски с хребта везде круты и одеты лесом, который состоит из ильма, грецкого ореха, дуба, березы черной и белой, осины, пробкового дерева, ясеня, черемухи и отчасти кедра. Поросли леса состоят большей частью из явно цветных растений, между которыми можно заметить виноград и жасмины. Яблони¹⁰ и даже бергамоты растут по южной опушке лесов, одевающих Хехцир, так что растительная природа этой местности напоминает лучшие части Средней Европы. За Хехциром начинаются по обеим сторонам Уссури очень низкие равнины, однообразно покрытые злаками и небольшими перелесками из дуба, вяза, осин и разных ив. Вся почти прибрежная местность, верст на 50 по Уссури, затопляется в большие воды, которые здесь бывают в июле, то есть в самой середине лета. Она поэтому мало способна для заселения. Зато многочисленные ее озера и болота содержат огромное количество дичи. Около озер водятся также черепахи (из семейства Eluviatiles)¹¹, которых окрестные гольды употребляют в пищу. Яйца этих черепах, которые зарываются ими в песок по берегам озер и реки, в огромном числе истребляются разными хищными животными, которые из лесов приходят к воде. Обилие рыбы в нижних частях Уссури изумительно. Бывали случаи, когда мы проходили особенно тихие места, что сазаны¹² целыми стадами начинали прыгать на поверхности воды и иногда попадали в лодку. У окрестных гольдов рыба составляет главную пищу; но одежды из ее кож они готовят немного, а преимущественно употребляют для того грубые бумажные материи. Вообще их китайское название «Юй-пхи-да-цзы» (рыбокожие инородцы) мало имеет значения.

Со второго дня нашего плавания начался дождь, который потом почти преследовал нас на всем протяжении пути в продолжение целых сорока пяти дней. Это обилие падающих вод, обусловливаемое недалеким расстоянием от моря, есть отличительная черта всей Уссурийской долины. Оно делает реку Уссури и некоторые ее притоки очень многоводными, относительно их длины. Для меня это обилие дождя было крайне неприятно, потому что очень затрудняло съемку и заставляло рано останавливаться на ночлеги, чтобы дать людям время перед сном просушить одежду. Берега реки, местами песчаные, большей же частью иловато-глинистые, сделались очень грязными, так что идти по ним было весьма трудно. Травы по берегам, до того мягкие, хотя и довольно высокие, быстро начали от дождей делаться жесткими. Так как подобная погода периодически возобновляется каждое лето почти в одно и то же время, то надобно думать, что будущим земледельцам на берегах Уссури придется делать уборку сена в конце мая с тем, чтобы в сентябре вторично косить траву. По низменности долины Уссури размыва ее во многих направлениях и образовала множество островов, между которыми протоки частью были еще без воды. Справа, верстах в 22 от устья, впала в Уссури речка Кий, которая, по словам гольдов, вытекает из гор и имеет

⁹ Предположения М. И. Венюкова о географическом положении хребта Хехцира (Большой и Малый Хехцир), в частности, что этот хребет составляет горный узел с Сихотэ-Алинем, позднее оказались неточными. Реки Дондон – Анюй, Кий – Кия, Эле-бира – очевидно Самарга. Водораздел бассейнов Амура, Уссури, Японского моря находится у истоков рек Анюя, Хора и Самарги.

¹⁰ Яблоки из Уссурийского края были на выставке Вольного экономического общества в 1861 году.

¹¹ В Уссурийском крае встречаются черепахи, принадлежащие к семейству Trionychidae.

¹² Речь идет о толстолобике (максун) из того же семейства карповых, к которому принадлежит сазан.

длины до 130 верст¹³. Близ устья ее еще в 1855 году стояла деревня Кинданэ, нанесенная на карту г. Максимовичем, но теперь она сгорела, и гольды переселились на левый берег Уссури, назвав две бедные свои хижины деревней Хунгари. Вообще в первые два дня нам встретилось по Уссури всего три поселения: Турме, Джачжа (Дзоадза) и Хунгари. Во всех их вместе не более 8 домов; жители – гольды.

В первые два дня мы прошли два больших острова, каждый по несколько квадратных верст, образовавшиеся в русле Уссури; на третий к вечеру миновали устье чрезвычайно быстрой реки Хоро, или Холо, неправильно известной у нас под названием Пора¹⁴. Даже в устьях своих эта довольно большая река мчится, как горный ручей. Начавшись в высоких горах, верст за 250 от устья, она и по равнине бежит очень стремительно, раздробляясь на множество рукавов и нанося высокие груды щебня и упавших деревьев. В Уссури она впадает пятью устьями, из которых два северные, особенно быстрые, приносят наибольшее количество вод. Температура этих струй в начале июня была на целых три градуса меньше теплоты воды в Уссури¹⁵. С приближением к Хоро на правом берегу стали попадаться места, удобные для заселения. Деревня Хойчу, лежащая верстах в 40 от устьев Уссури, растянулась по обеим берегам, особенно по правому, версты на четыре. Впрочем, она вся состоит из 9 домов, разбросанных в разных местах по лесу, и жители ее, во время нашего плавания, наполовину были в отсутствии. Пользуясь этим, мы посетили один из домиков, с тем чтоб поближе ознакомиться с утварью, которая вся оставалась незапертой и состояла из небольшого числа деревянной и глиняной посуды, кое-каких принадлежностей рыбной ловли и небольшого котла, вмазанного в кухонную печку. В высоком чулане, устроенном, в предосторожность от крыс, на столбах, мы заметили висевшую пару лебедей и следы хранившихся мехов.

4 июня на устьях реки Сима¹⁶, не означенной ни у д'Анвиля, ни у Бергхауза, мы встретили, посреди семейства гольдов, одного ороча, жителя верховьев Хоро, бывавшего и на море. Он говорил, что если по Хоро подниматься с месяц на шестах в долбленной лодке, то дойдешь до самого его источника в высоких горах и потом, дня четыре идя пешком, достигнешь моря. Соображая скорость хода по чрезвычайно быстрой реке и потом обыкновенную походку звероловов, можно полагать, что Хоро-бира имеет до 300 и не менее 250 верст длины, а перевал от ее вершин к Японскому морю – до 120 верст. По другим сведениям, полученным, впрочем, не от орочей, а от гольдов, не живущих по Хоро, в верхних частях этой реки впадает в нее слева небольшой приток Черпай¹⁷, с которого есть

¹³ По современным данным, р. Кия имеет протяженность 173 км, устье ее находится в 32 км от устья Уссури.

¹⁴ Хоро, Холо, Пора – река Хор, протяженность водотока по современным данным 453 км.

¹⁵ То же замечено и г. Мааком, который 2 июля 1859 года наблюдал в устье реки Хоро температуру в 13,7°, тогда как в самой Уссури против этого места вода имела теплоту 16,7°.

Вообще реки, текущие в Уссури с востока, имеют более холодную воду, чем самая эта река; в доказательство вот несколько наблюдений того же г. Маака:

Уссури у Хехцира 17,9°.....ручей там же..... 10,1°

против Хора 16,7°.....Хоро при устье 13,7°

близ Бикини 17,1°.....Бикинь при устье 16°

близ Цифаку 18,2°.....устье Цифаку 18°

Данные эти показывают, кроме того, что разность температур Уссури и ее притоков уменьшается с приближением к югу без сомнения оттого, что сама Уссури тут становится ближе к горам, из которых питается столь же прохладными источниками, как и притоки ее (1863).

¹⁶ Сима – р. Подхоренок, длина 112 км.

¹⁷ Черпай – очевидно, левый приток Хора – река Чуи.

перевал на значительную, текущую в море реку Самальгу¹⁸; но сколько времени требует этот путь – неизвестно. Г. Максимович свидетельствует еще, что с верховьев Хоро есть проход через высокие горы к речке, впадающей в Амур (не в Дондон ли?)¹⁹ и названной у него Пахсу. Контр-адмирал Невельской также знал о существовании этого пути, и у него речка называется Пекша. Река Сим, близкая к Хоро при устьях, течет с юго-востока и имеет длины до 120 верст, она вытекает из гор невысоких.

На следующий день, 5 июня, сильный дождь, шедший с раннего утра, заставил нас остановиться с обеда, чтобы принять меры против подмочки провизии, так как часть сухарей уже успела отсыреть и заплесневеть, а часть подмокла. Во время этой остановки я имел случай в первый раз ознакомиться с отношениями гольдов к маньчжурам²⁰. Рыболовы-гольды, около юрты которых мы пристали, завидев наши лодки, испугались чрезвычайно. Сначала они хотели бежать, но потом, подумав, решились отдаться на произвол судьбы, то есть на волю маньчжуров, за которых они нас приняли. Когда, к удивлению их, мы заплатили им за принесенную рыбу в подарок два или три аршина дабы, радость их была чрезвычайно. Спрятанная дотоле женщина вышла к нам с трехлетним ребенком своим и воспевала нашу щедрость. Толпа детей, обыкновенно робких, смело стояла около нас. Между этими бедными людьми я заметил одного, физиономия и телосложение которого резко отличались от обыкновенного типа гольдов и вообще тунгусского племени. Он не был худощав, а мускулист и жирен. Длинные усы, совершенно европейские, и окладистая борода придавали ему вид русского крестьянина, одетого в чужое платье. Только глаза, впрочем, большие и круглые, отдаленностью своей друг от друга напоминали монгольскую расу. Можно думать, что такие исключительные особи между гольдами имели когда-нибудь в числе своих предков наших первых завоевателей Амура. Никакого ясного понятия о прошедшем своей семьи гольд, впрочем, не имел, он слышал, что есть русские, что они водворяются на Амуре. Он ходил вместе с семейством одного родственника и своим отыскивать себе пропитание и одежду на берегах реки и потом собирався на охоту в леса. Начинаясь прибыль воды заставляла их торопиться ловлею, чтобы успеть засушить достаточный запас рыбы. Около берестяной юрты их висело уже множество добычи, убитой меткою острогою, все были заняты ее приготовлением.

6 июня после обычного утреннего тумана установился было порядочный и не жаркий день, но часу в третьем пополудни внезапно собрались тучи, полился дождь и заблестала молния. Это была уже вторая гроза со времени нашего отплытия из Уссурийского поста. Дождь, впрочем, скоро перестал, но небо было мрачно, и постоянно дувший юго-восточный ветер не подавал надежды на скорое исправление погоды.

В этот же день мы прошли устье реки Аома²¹, имеющего до 120 верст длины. На всем протяжении правого берега Уссури видны были горы, которые местами подходили и к самому руслу. Здесь мне удалось собрать между береговыми наносами несколько кусков окаменелого дерева, в которых древесная ткань так ясно сохранилась, что окаменелость больше походила на недавний отломок от живого растения, чем на ископаемое. К удивлению моему, все соседние высоты состояли притом из пород, в которых ничего подобного не встречалось. Нужно думать, что эти куски дерева, явственно хвойного, занесены из

¹⁸ Самальга – река Самарга; перевал между Левым Чуи и Самаргой носит название Муравьев-Амурский.

¹⁹ Из р. Правой Чуи в р. Анюй (Дондон) ведет перевал Солонцы.

²⁰ Маньчжуры – коренное население Северо-Восточного Китая, живут в основном в Южной Маньчжурии. Язык тунгусо-маньчжурской группы алтайских языков. В XVII веке основали империю Цин, завоевавшую Китай, Корею и Монголию. В Приуссурье проникали с грабительскими целями.

²¹ Аом – возможно, р. Седьмая Вторая, протяженностью, по современным данным, 50 км.

какой-нибудь боковой пади вытекающей оттуда речкой. Весь вид долины правого берега Уссури с этого дня изменился. На краях горизонта постоянно виднелись зубчатые вершины гор, все более и более возвышающихся во внутренность страны, то есть к востоку. На левом берегу еще тянулась обширная равнина, но в отдалении уже начинали синеть холмы. Мест, удобных для заселения, на восточной стороне Уссури встречалось гораздо больше, чем прежде. Луга и перелески сменились большими лесами из дуба, березы, ильма, осины. Прекрасные лилии, оранжевые и желтые, были в полном цвету, яблони и розы также; черемуха отцветала. Мы прошли в этот день, не беспокоиваемые непрерывным дождем, более 26 верст и остановились ночевать в виду холмов, соседних Нору²².

Следующие два дня, 7 и 8 июня, были употреблены на то, чтобы пройти устье Нора, текущего в Уссури с юго-запада, и дать отдых людям, которые от непривычки к походу и от тяжести лодок, шедших против ветра, как и против течения, очень устали. Вместе с тем нам удалось хорошо сойтись с гольдами, которые живут около устьев Нора. Недоверчивые и осторожные сначала, эти люди разболтались без умолку, как только им было поднесено по рюмочке спирту, а за привезенную рыбу заплачено щедро дабой. От них я узнал, что на реке Нор, близ ее вершин, стоит город, который они называли просто: Хотонь, но который вовсе не есть Саньсинь, лежащий на Сунгари²³. К этой последней реке есть с верховьев Нора перевал, требующий трех дней пути, но куда приводит он, гольды не знали. Как ни старался я выведать от гольдов какие-нибудь подробности о городе, находящемся на Норе, они отказывались сказать что-либо кроме того, что это пункт, составляющий средоточие некоторого рода управления ими, то есть, вероятно, военный пост, обстроенный несколькими купеческими домами и лавками. Во всяком случае, город этот невелик. Длину Нора гольды определяли двадцатью днями хода в лодке; это дает около 300 верст, потому что при быстроте течения реки в верховьях едва ли можно положить более 15 верст для ежедневного перехода.

Китайская география²⁴ определяет эту длину в 600 с лишком ли (более 300 верст); источники Нора, по ее свидетельству, лишь одной горой отделены от вершин реки Вокэнь, притока Сунгари. Гольды, которым переведено было китайское описание, сказали, что оно верно, но что они многого не знают и что названия предметов у них не те.

9 июня около полудня мы прошли устье реки Абдэри²⁵, которая течет более 100 верст, но при устьях переходима вброд. Вода в ней холодна и очень мутна, впрочем, вероятно, от прибыли вследствие дождей. Несколько выше небольшой речки Сибку²⁶ встретила деревня того же имени – самая большая из всех, которые до сего времени встречались, потому что состоит из 7 домов. Гольды здесь имеют порядочное огородничество и даже хлебопашество, потому что они сеют ячмень, бывший в эпоху солнцестояния уже совершенно выколосившимся.

Выше Сибку горы правого берега Уссури часто приближаются к самому ее руслу и вообще идут недалеко, оставляя местами долины версты в две шириной, очень удобные для

²² Нор – река Наолиха, левый (китайский) приток Хора.

²³ Хотонь – очевидно г. Баоцин; Саньсин – г. Илань. Ближайший к русскому Приамурью из этих городов – Илань – отстоит от устья Сунгари более чем на 250 км.

²⁴ Китайской географией М. И. Венюков считает официальное описание Маньчжурии (фактически с прилегающими к ней землями).

²⁵ Абдэри – р. Бира, правый приток Уссури, протяженностью 61 км.

²⁶ Сибку – р. Шивки (36 км).

заселения. Около устьев Бикини²⁷ кряж этот достигает наибольшей высоты. Во время нашего плавания вершины гор часто бывали одеты туманом, который поутру спускался и в равнину. Река Бикин, протекающая одним, нераздельным, руслом верстах в 180 выше устьев Уссури, также идет в долине несколько верст шириной. Она, впрочем, кажется, по крайней мере на низовьях, судоходной рекой, а не горной, как быстрая Хоро. Местные жители определяют ее длину двенадцатидневным пешеходным путем. Китайская география дает 50 ли; оба эти показания довольно согласны, потому что в двенадцать дней можно пройти именно около 250 верст. От верховьев Бикини есть перевал к морю, требующий пяти дней хода, то есть длиной до 140 верст. Как он удобен и по какой местности проходит, этого мне не удалось узнать, но, судя по направлению течения Бикини, можно полагать, что ее источники лежат не вдалеке от верховьев той же Самальги, на которую есть дорога с Хоро, и нужно думать, что путь к океану лежит долиной этой реки. Во всяком случае, при конце перехода от Бикини на берегах Японского моря находится небольшой залив или бухта, близ которой расположена деревенька. По Бикини живут в пяти или шести селениях орочи, китайцев же нет.

Следующая за Бикинью часть течения Уссури, верст на 70, представляет на обоих берегах долину, обнесенную с востока и запада живописными горами. Тут представляются превосходнейшие местности для поселения, так, например, верстах в пяти выше Бикини, на устьях речки Ханкули, у деревни Нейзе и пр. При впадении небольшой реки Цифаку²⁸, которая имеет гораздо меньше длины, чем показано в китайской географии и на карте д'Анвиля (именно один день ходу), но отличается широким устьем, горы правого берега Уссури оставляют ее русло и отходят к востоку, так что эта река течет уже по необозримой, большей частью лесной долине. В промежутке от Цифаку до Бикини впадают в Уссури слева две реки: Думань²⁹ и Киркин³⁰, обе длиной до 100 или 90 верст (4 дня ходу). Они текут в нешироких долинах между горами, богатыми жень-шенем, и потому берега их обитаемы китайцами. Между домами тамошних колонистов проходят тропинки, которые уходят и на западную сторону кряжа, дающего начало Думани и Киркини: это, следовательно, второй и третий перевалы с Сунгари по Уссури. Впрочем, может быть, что тут есть только один горный переход, потому что Думань и Киркин, по словам местных жителей, имеют вершины свои в очень близком соседстве.

15 июня, верстах в 12 выше Цифаку, нас догнали гольды, ехавшие в оморочках (берестяных лодках) с устья Уссури на Нимань. Это были единственные люди, которые доставили нам сведения о русских во все время нашего плавания. Впрочем, они вышли из Турме не более, как три дня спустя после нас.

На ночлегах между Бикинью и Ниманью³¹ мы имели довольно времени разговаривать с гольдами, которые проезжали навстречу, и несколько познакомиться с образом их жизни и нравами. Увидав серебро, один из них предлагал немедленно променять его на соболей, и когда я спросил, зачем ему этот металл, когда у него есть меха, — он сказал, что у него есть мать, которая скоро должна умереть, и что ей по обычаю их нужно сделать серебряный браслет, который наденется ей в день смерти. Другой гольд явился к нам с отрезанной косой: это был знак печали его по умершей матери. В брачных отношениях гольды позволяют себе

²⁷ Бикини – р. Бикин, длина водотока 560 км.

²⁸ Цифаку – Черная речка (35 км).

²⁹ Думань – р. Далайхэ, левый (китайский) приток Уссури.

³⁰ Киркин – очевидно р. Цилибихэ, левый (китайский) приток Уссури.

³¹ Нимань – р. Иман, длиной 440 км.

многоженство, и даже в некоторых случаях оно у них обязательно. Так, глава одного многочисленного семейства, мужчина лет тридцати, имел трех жен, из которых две достались ему после смерти младших братьев. Он считал обязательностью оказывать всем им равное внимание, но старшей в семье, как бы матерью, считалась его первая жена, которую прочие должны были слушаться. Как все народы, придерживающиеся многоженства, гольды очень ревнивы. Только по особому доверию ко мне и к переводчику наш знакомый позволил нам сидеть в юрте во время его отсутствия; людей же по возможности из команды устранил.

В течение двух недель, с 1 по 15 июля, только один день, первый, был без дождя; в прочие же он шел более или менее сильно и часто. Река от этого заметно стала прибывать, с приближением нашим к Нимани, и закрыла много мелей, которые без этой водополи были бы видны. Впрочем, важнейшие отмели на всем протяжении я успел нанести на карту. Дождь постоянно наносился юго-восточным ветром; когда же начинал дуть другой, то появлялись грозные тучи и гремел гром, что также случалось нередко. От прибыли воды в половине июня рыбные ловли почти прекратились, и гольды довольствовались лишь небольшой добычей сазанов, не имея рыбы для продажи. Это для нас было не совсем хорошо, потому что лишало части обычного продовольствия и заставляло быть постоянно на соленой пище. К счастью, все были здоровы, за исключением лишь нескольких случаев головной боли и рези в желудке.

17 числа мы прошли устье Нимани, самого многоводного из правых и, может быть, из всех вообще притоков Уссури. Течение все время было очень тихое, но река, уже от впадения Думани, сделалась очень извилистой. Для судоплавания, даже для пароходства, это, впрочем, не будет составлять препятствия, и на всем протяжении от Нимани до устья Уссури представляется в этом отношении очень удобною рекою. Плавание по ней гораздо легче, чем по Амуру в средних его частях, потому что нет таких разветвлений и длинных песчаных кос, а сравнительно с верховьями великой реки, от Зеи, то есть с той ее частью, которая по количеству вод равна Уссури, эта последняя представляется в еще более выгодном свете. Река Нимань, насколько это позволяет судить взгляд на ее устье и равнинное свойство берегов, вероятно, также судоходна на довольно большом расстоянии от слияния с Уссури, но насколько именно нельзя сказать положительно. До настоящего времени никакие другие суда, кроме легких лодок, не ходили по ней. Общая длина этого главного притока Уссури, по словам жителей и показаниям китайской географии, простирается до 300 верст; главное направление течения с востока или востоко-юго-востока. Впадающая в Уссури Имма³² составляет, и очень недалеко от устья, из двух рек: собственно Нимани и Акули³³. Оба эти притока почти одинаковой величины; следовательно, каждый из них вполовину меньше общего русла. Принимая в соображение длину их и направление, можно сказать, что источники Нимани лежат несколько западнее верховьев Бикини, но от моря их расстояние почти одинаково. По словам жителей, перевал Нимани к берегам морским требует около пяти дней хода пешком; только горы чрезвычайно высоки и путь очень утомителен. Верхние части реки обитаемы только орочами. Числа семейств последних гольды не могли мне определить, но сказывали, что есть пять или шесть деревень – вероятно, такие же, как и гольдские, то есть в один или два дома. Это очень слабое население для такого большого пространства, как долина Нимани. Вся местность по Уссури выше и ниже Иммы совершенно равнинная, даже низменная, только на север от Нимани тянется с востока на запад довольно высокий кряж, не доходящий до Уссури. По словам туземцев и согласно с показаниями китайской географии, Акули и Нимань также разделены горами, а в своих верховьях обе текут постоянно между хребтами, становясь

³² Под этим названием она более известна у местных жителей, чем под именем Нимани.

³³ Акули – р. Вака (Вак, Ваку), длиной 111 км.

очень быстрыми, и имеют вполне характер горных речек. Прибыль воды в них, по-видимому, случается одно временно с уссурийской, то есть в половине лета, и бывает очень обильна. Когда мы плыли обратно, Нимань была в таком же разливе, как Уссури, и затопила косу или мыс при их слиянии. При этом цвет воды в ней все еще оставался отличным от уссурийского, и темные струи ее текли версты три, не смешиваясь с мутными волнами Уссури. Это обстоятельство я привожу здесь как доказательство, что ширина устья Нимани при нашем возвращении не была результатом притока вод уссурийских. Вообще, соображая все сведения об Имме, можно полагать, что она заслуживает особого внимания со стороны будущих исследователей края и что близ устья ее должен возникнуть один из важнейших центров населения на всей Уссури³⁴.

Против устья Нимани, на склоне небольших высот, сложенных из красного мергеля, довольно твердого, чтобы образовать скалистые обрывы, расположена двумя частями китайская деревня Нимань, при которой учрежден маньчжурский военный пост или караул. Нижняя часть деревни, в которой мы остановились, не зная еще о существовании верхней, состоит из одного большого дома, обитаемого многочисленным обществом китайцев, у которых есть вокруг пространные огороды и даже хлебные поля. Зажиточные хозяева содержат, по-видимому, что-то вроде постоянного двора, харчевни или трактира. По крайней мере мы встретили у них целую толпу китайцев и гольдов, гостей и работников. Убранство комнат также напоминает пекинские трактиры низшего разряда, знакомые одному из моих спутников. Здесь уже встречаются плантации знаменитого жень-шеня, но еще в малом размере, вероятно потому, что жителям нет выгоды разводить большие в соседстве с корыстным маньчжурским начальством. Самое селение это я прошел не останавливаясь и заметил в нем только лошадей, содержимых в довольно большом количестве, и быков, очень хорошей породы. Быки, по обычаю китайцев, служат исключительно для земледельческих работ и перевоза тяжестей на дальнейшее расстояние, но лошади имеют, кроме того, особое назначение: поддерживать сообщение с внутренностью страны, то есть собственно с Маньчжурией. Для этого и проложена здесь тропинка на юго-запад, к устью Мурени³⁵, где начинается настоящая конная дорога в Саньсинь. Нет никакого сомнения, что это тот самый путь, по которому вышли на Уссури де ла Брюньер и за ним Вено³⁶; но позволительно сомневаться в положении г. Семенова, что дорога последнего лежала вдоль реки Kelin. Единственная река сходного названия (Киркинъ) впадает целыми восемьюдесятью верстами севернее Нимани, никаких же других рек ниже Мурени и в окрестностях Ниманского поста мне не известно.

Небольшие, сложенные из рыхлой, красноватой породы увалы встречаются по Уссури и выше Нимани, по правому берегу. Ими обозначаются, впрочем, не оконечности горной страны, а окраины несколько повышенной равнины, очень удобной для земледелия, хотя и поросшей ныне лесами. Возвышенность эта, названная в китайской географии Доцили-офоро, местами подходит к самому руслу Уссури, местами отделяется на несколько верст внутрь страны. Прекрасные места для заселения встречаются везде в соседстве с ней на целый день пути от Нимани. Выше долины река опять становится совершенно плоской, местами болотистой и почти сплошь лесной и низкой.

В расстоянии не более 25 верст от устьев Нимани вливается в Уссури слева северный

³⁴ Ныне здесь расположен г. Иман, один из центров деревоперерабатывающей промышленности Приморского края.

³⁵ Мурень – р. Мулинхэ, левый (китайский) приток Уссури, длина около 450 км.

³⁶ Де ла Брюньер – французский миссионер, незадолго до путешествия М. И. Венюкова отправившийся вниз по Уссури и убитый местными жителями; Вено – также миссионер, о путешествии которого М. И. Венюков имел самые отрывочные сведения.

рукав Мурени, большого притока которого дельта занимает, вероятно, около 20 квадратных географических миль. Это самая длинная побочная река Уссури, река, которой источники находятся в очень высоких горах на востоке от Нингуты. Китайское описание дает очень подробные сведения о ней. Не перечисляя здесь всех притоков ее и соседних ей гор, замечу только, что она разветвляется верстах в десяти выше устьев на два и потом на три русла. Это и служит причиной того, что из них ни одно не представляется так многоводным, как, например, Нимань или даже Бикини. Северный рукав Мурени, главный, сливается с Уссури почти тупым углом, то есть против течения последней; он не шире 20 или 25 сажен. Река Уссури, протекая равнину между Муренью и Сунгачанью³⁷, становится быстрее и быстрее к югу, отчего и промыла себе очень извилистое ложе. Как велики эти извилины, можно судить по тому, что, например, от третьего устья Мурени до Сунгачани, по прямой линии, расстояние всего до 15 верст, а по реке более 36. Но хотя Уссури здесь и извивается подобно небольшой реке, она все еще многоводна и, главное, течет почти везде одним руслом, то есть всею неразделенною массою своих вод. Это значительно может облегчить плавание судов и особенно пароходов, которые в состоянии будут преодолевать силу ее течения. Отличительной чертой этой части Уссури служит образование по берегам многочисленных заливов, по которым после большой прибыли сбегает вода с окрестных равнин. Можно сказать, что нет ни одной излучины, при начале которой, с выпуклой стороны, не было бы такого залива. Вода стоит в таких бухточках, как естественных гаванях, целое лето; но ошибиться во время плаванья по реке и зайти в них нельзя, потому что они не имеют течения. Главный улов рыбы гольды производят по таким заливам. Средняя ширина Уссури в этих местах до 100 сажен, иногда менее 70, но глубина все еще значительна, достигая по фарватеру до 7 и 9 футов в мелкую воду.

С устья Нимани до самой Сунгачани нам постоянно сопутствовали китайцы, в числе четырех, предводимые маньчжурским солдатом. Это были наши конвойные или, правильнее, надсмотрщики над нами, шпионы, посланные начальником маньчжурского караула. Они вели себя по наружности очень дружески, но везде заезжали вперед нас к гольдам и запрещали им соглашаться быть нашими провожатыми, так как уже в это время я стал заботиться о приискании проводника. До какой степени нашим спутникам удалось их дело, можно видеть из того, что единственный человек, не прямо отказавшийся идти с нами, был старик, житель деревни Чуборки, уже не дороживший своей жизнью.

– Маньчжуры, – говорил он, – запрещают нам оказывать вам помощь, и, конечно, тот дорого заплатит, кто нарушит их приказание. Но я уже так стар, что готов бы был пренебречь даже смертью от них и идти с вами, если бы у меня не болела левая нога (она была действительно сильной опухшей). Я знаю, что вы только передовые люди, что за вами придет много русских, которые избавят нас от негодяев-маньчжуров, но пока эти звери здесь, нам быть друзьями вашими опасно.

Что слова старика о степени опасности, которой они подвергаются со стороны маньчжуров, были не преувеличением, я убедился после из слов одного гольда, жившего уже выше Сунгачани. При приближении нашем к юрте он весь дрожал от страха, считая нас за маньчжурских чиновников. Когда же мы ласково расспросили его о некоторых предметах и заплатили за взятое небольшое количество проса, он рассказал нам, что ему есть отчего бояться маньчжуров. Два его брата, отец и даже мать – женщина! – удавились с отчаяния, возбужденного притеснениями маньчжурских сборщиков дани. Эти властители бедных гольдов, навещая их раз в год (а иногда и дважды), ознаменовывают свои посещения тем, что бьют их жестоко палками, требуя соболей и притом всех, какие есть. По своей подозрительности, они никак не верят человеку, если он сразу отдал всю свою добычу, и потому бьют его еще, в надежде вытребовать то, что считают спрятанным. Иногда гольды, чтобы отделаться от двукратных побоев, сами выносят им часть соболей, и тогда их бьют

³⁷ Сунгачань – р. Сунгач (Сунгача), длиной 212 км.

только для получения другой части. После, при возвращении, я узнал, что маньчжуры, в числе пяти, ездили с Нимани вверх по Уссури и взыскивали с гольдов за внимание к нам.

Устье мутной Сунгачани, истока озера Хинькай (Синькай – у китайцев из северных провинций и Кенка – у гольдов)³⁸, мы прошли 22 июня вечером. Плавание наше становилось все более и более трудным. Несмотря на то, что Уссури течет в этих местах по равнине и даже низменности, она уже очень быстра. Основываясь на китайской географии, я полагал, что воды реки, за впадением Сунгачани, уменьшатся почти наполовину, но ошибся, потому что приток этот дает главной реке едва ли четвертую часть ее вод. Но следующий смысл можно дать показанию Шуй Дао-тигана, что Уссури от Сунгачани становится очень большой рекой: вытекая из огромного озера, Кенка-бира отличается постоянством своего уровня и потому поддерживает этот уровень и в Уссури. Такое положение кажется тем более справедливым, что последняя река, по словам местных жителей, имеет местами, выше Кенки, в мелководье, не более 2½ футов глубины. Быстрота и извилины русла Уссури возрастают за Сунгачанью все более и более.

Здесь не излишними будут подробности о большом водоеме, лежащем в особой котловине посреди нагорной юго-восточной части Маньчжурии. Озеро Хинькай, следуя китайскому описанию, лежит между 44°36' и 46°5' северной широты³⁹. Оно имеет 78 верст длины и около 40 ширины; в окружности 250 верст (10 дней ходу). Вся поверхность его, при этих размерах, может занимать до 65 квадратных географических миль, то есть оно в пять раз более Женевского озера. Семь значительных речек (Учжаху, Мунь, Лэфу, Саныци, Тэкэй, Эргэ, Салиму)⁴⁰ впадают в него с запада, юга и юго-востока. Между ними наибольшая есть Лэфу, имеющая до 180 верст протяжения. Местность по берегам первых четырех рек гориста, а при впадении Лэфу частью болотиста. Напротив, с юго-востока и северо-востока берега Хинькай имеют равнинный характер, а на севере в одной с ними котловине лежит даже другое большое озеро, Сийку⁴¹, отделенное от Кенка только песчаной косой. Берега Хинькай в тех местах, где к ним подходят горы, приглубы и направляются довольно прямо; на равнине же они очень извилисты, и озеро имеет здесь много заливов. Около десяти селений разбросаны в разных местах его побережья; между их обитателями находятся пять семейств гольдов, крайних представителей своего племени в направлении к юго-западу. Их быт совершенно таков же, как и на берегах Уссури, потому что озеро обильно снабжает их рыбой, а окрестные горы, покрытые лесом, богаты зверями. С берегов Хинькай пролегает, вероятно вдоль реки Лэфу, тропинка к берегам моря, она выходит на большую Хуньчунскую дорогу, направлявшуюся от корейской границы к берегам Уссури. Так как эта тропинка пересекает любопытную местность Чакиримуден (Чацилимодунь), по которой на европейских картах проводят земляной вал, а по описанию китайцев протекает подземная река Ань, то я особенно интересовался расспросить подробно об ее качествах. К сожалению, мне не удалось найти очевидцев, посещавших те края, но, сколько можно понять из слов многочисленных рассказчиков, Чакиримуден есть просто невысокий, с плоской вершиной кряж, постепенно понижающийся к юго-востоку и очень грязный на всем протяжении.

³⁸ Хинькай – оз. Ханка. Приведенные ниже М. И. Венюковым координаты, как начальные, так и последующие, позднее при проведении точных съемок значительно изменились. Площадь зеркала озера, по данным 1966 года, составляет не «до 65 квадратных географических миль» (3579 кв. км.), а 4190 кв. км, из которых 3030 кв. км составляют советские воды.

³⁹ Теперь известно, что это озеро простирается от 44°33' до 45°16'.

⁴⁰ Теперь эти речки называются: Тур, Усачи, Сиан, Мох-Лэфу, Сандака. Наиболее крупные притоки оз. Ханка находятся на советской территории. Это – Лэфу (длина 220 км), Синтуха (111 км), Мо (67 км), Большие Усачи (46 км), Хантахеза (32 км), Сантахеза (31 км).

⁴¹ Сийку – оз. Малая Ханка (Сяоху), находится на китайской территории.

Тропинка с берегов Хинькая, пересекая Чакиримуден, выходит в долину Суйфун-биры близ какого-то древнего города, вероятно Фурдяня, показанного на карте д'Анвиля, другая направляется в Нингуту, на запад.

23 июня, после долгих соглашений, нам, наконец, удалось убедить одного гольда быть нашим проводником, но не далее как до устья Кубурхани⁴², то есть верст на 35 пути. Собственно говоря, мы не нуждались еще в проводнике, разве только для того, чтобы знать удобнейшие для плавания протоки, но я считал нужным воспользоваться случаем к сближению с нами гольдов настолько, чтобы они не боялись сопутствовать нам в то время, когда это будет нужно. Трудное по быстроте реки и отсутствию бечевников плавание до Кубурхани мы совершили при помощи гольда в два с небольшим дня, и в это время я убедился, что нам уже невозможно идти далее в том составе, в котором мы находились. Две лодки, из которых одна вмещала до 60 пудов груза и сидела в воде около 1½ фута, были не по силам команде в 12 человек, которую надобно было, разумеется, делить на смены. Случайное уменьшение воды в Уссури в несколько вершков, которое мы приняли за начало общей большой убыли, заставляло также опасаться, что наша большая лодка не будет проходить по некоторым рукавам реки. По всем этим причинам я решился оставить часть людей и запасов вместе с этой лодкой поблизости Кубурхани и 25 июня остановился в нескольких верстах выше устья этой реки.

Местность от Сунгачани до Кубурхани представляется почти везде очень удобной для заселения. Небольшие отлогие холмы уже нередко виднеются по равнине; ближе к Кубурхани встречаются по Уссури даже высокие увалы на берегах. Поросшие прекрасным дубовым лесом, эти высоты очень удобны не только к разработке под поля, но и для разведения садов. Виноград и грецкие орехи встречаются по этим лесам в большом количестве. Замечу здесь, что показание китайской географии о том, будто Уссури лишь около устьев Кубурхани выходит из соснового леса, совершенно несправедливо: ни одного хвойного дерева мы не встречали не только здесь, но и далее к юго-востоку, на более высоких горах, до самого почти перевала в верховьях реки.

Вообще относительно растительности по долине Уссури до Кубурхани можно заметить следующее. Ниже Нимани в лесах, особенно по высотам, преобладает дуб. Если же лес разросся по долине, то в нем много осины, ильма, орешника (грецкого)⁴³, березы черной и белой; ясень, клен и иногда липа также встречаются. От Нимани главными породами деревьев становятся орешник, ильм и пробковое дерево. Поросли лесов везде одинаковы; между ними, особенно по опушкам, встречаются виноград, розы, огромное число лилий. На лугах, кроме злаков, много полыни и мелколистных бобовых растений, часто переплетающихся до того, что по траве, при двухаршинном ее росте, идти бывает чрезвычайно трудно. Встречаются полевые гвоздики, трилистник, лютики, некоторые из сложноцветных, напоминающих отчасти флору восточноевропейских равнин. Вообще растительность лугов на Уссури много походит на нижнесунгарийскую, но леса отличаются от амурских. Ильм достигает здесь иногда очень больших размеров, так как деревья до 100 футов вышины и 10 футов в окружности на высоте человеческого роста не составляют редкости. Грецкий орех, пробковое дерево и липа тоже бывают очень велики, но, к сожалению, первая из этих пород редко приносит плоды. Быть может, она даже не цветет, так что вся сила растительности обращается на увеличение ствола и листьев. По крайней мере мне цветы и плоды орешника встречались очень нечасто. Явление это, впрочем, не единственное в своем роде. «Удивительно, – говорит Гумбольдт, – что некоторые растения, при сильнейшем росте, в иных местностях не цветут. Таковы, например, европейские маслины по тропикам, столетия уже разведенные близ Квито на высоте 9 тысяч футов,

⁴² Кубурхани – р. Кабарга (Большая Кабарга), протяженностью 80 км.

⁴³ Грецкий орех – маньчжурский орех.

грецкий орех, орешник, опять маслины на Иль-де-Франсе и проч.» Быть может, причиной этому влажность климата и холодные ночи.

Решаясь оставить лодку на Кубурхани, я, естественно, должен был предложить себе вопрос о том, что не будет ли опасно неизбежное в этом случае разделение и без того немногочисленной моей команды на две части. Этот вопрос кажется для меня теперь не имеющим почти никакого значения; но в то время, когда я впервые проник в страну, отдаленную от русских селений на сотни верст, он представлялся мне не лишенным важности. Возраставшая уверенность в доброжелательстве к нам гольдов дала мне возможность расстаться с частью моих спутников без опасения за их участь и за успех нашего дела. Я оставил на Кубурхани при сотнике П. всего трех человек и с ним все наше продовольствие, за исключением взятого на месяц с собой, большую часть наших ружей и запасов пороху и свинца. 26 июня, окончив снаряжение меньшей лодки, я отправился в дальнейший путь по Уссури, имея в команде своей, кроме переводчика, только десять казаков.

Через двое суток, то есть 28 июня, около полудня мы достигли устья небольшой реки, отличающейся бурым, почти черным цветом своих вод. Река эта, по-видимому, та самая, которая названа на карте д'Анвиля и в китайской географии Гармою, но местные жители называют ее Малой Ситуху (Нючи-Ситуху)⁴⁴. Она втекает в долину Уссури из боковой пади в горах, и при устьях ее находится превосходнейшее место для заселения, лучшее из всех, которые я видел по Уссури и вообще на запад от Приморских гор. Окрестные высоты, которые тянутся верстах в трех и четырех от правого берега Уссури, все покрыты лесами, в которых между господствующими лиственными породами деревьев изредка начинают попадаться и хвойные растения – кедр и ель. Течение реки становится здесь все более и более быстрым, а глубина ее менее значительною. В малую воду, то есть в мае и первой половине июня, глубина эта простирается местами только до трех и даже двух футов; но в то время, когда мы плыли и когда река была на прибыли, промеры показали нам фарватер в 8 и 10 футов. Замечательно, что эта часть Уссури, от Сунгачани и до самого устья Нынту⁴⁵, очень мало населена, почти слабее низовьев.

29 июня мы прошли мимо невысокой, но замечательной скалы, которая возвышается совершенно отдельно на острове, образуемом рукавами Уссури. Это едва ли не единственный в своем роде пример на всей системе Амура. Уссури здесь, как и выше, совершенно лесная река. Множество наносных деревьев разбросано по ее руслу и чрезвычайно затрудняет плавание. Часто нет никакой возможности идти иначе, как толкаясь шестью или даже ведя лодку руками, потому что иначе при малейшей неосторожности ее отбросит быстрым течением на кучи наваленных карчей и разобьет или опрокинет. 29 числа и в следующие двое суток мы едва могли делать по 12 верст в день и то с помощью проводника, который хорошо знал свойства протоков и умел ловко править рулем на опасных местах.

1 июля мы миновали устье значительной реки Ситуху⁴⁶, которая течет в Уссури справа и названа у д'Анвиля Курму, или Кулэму.

2 июля мы перешли за 45° широты, достигли устьев Добиху (Хуэбиры)⁴⁷ и здесь

⁴⁴ Малая Ситуху – р. Малая Шетуха, длина 20 км.

⁴⁵ Нынту – р. Нотто, длина 114 км, правый приток р. Улахе, слияние которой с р. Даубихе и образует р. Уссури. Длина р. Уссури от слияния рек Улахе и Даубихе – 588 км. Принимая за начало реки исток р. Улахе, длина составляет 897 км.

⁴⁶ Ситуху – р. Шетуха, длина 72 км.

⁴⁷ Добиху – р. Даубихе, длина 190 км.

нашли проводника, который был нам очень полезен своей услужливостью и знанием мест. Но, впрочем, проводник мог лично сопровождать нас только до устьев Нынту; далее же он обещал нам в спутники одного своего родственника из орочей – и сдержал свое обещание. Обласканный нами, получив щедрую плату, этот гольд честно исполнял все свои обязанности и сообщал немало сведений не только об Уссури и Добиху, но и о недалеком от его жилища озере Хинькай, о пути по Добиху к морю, о промышленном значении Хуньчуня⁴⁸.

От устья Добиху к юго-востоку мы вступили в страну, по которой изредка виднеются следы высшей образованности и большей населенности края. Я говорю здесь о развалинах старинных городов и укреплений, которые встречаются местами по Уссури между 22° и 45° широты. Эти «балапти-хотон'и» (старые города), вероятно, принадлежат к первым временам династии Гинь, или Нючжень, то есть к XII столетию⁴⁹. Против кого сооружались их земляные валы, иногда на вершинах высоких гор, иногда в равнинах, – трудно сказать теперь, но несомненно, что это были правильные укрепления, часто расположенные в связи один с другими. Быть может, что династия Гиней опасалась здесь соседства приамурских мэн-гу, вероятных предков нынешних мангун, с которыми нючжи нередко воевали и которыми были даже побеждаемы. Во всяком случае несомненно, что под защитой земляных укреплений существовали обширные города.

После трудного плавания в течение пяти дней⁵⁰ мы, наконец, достигли устьев Нынту и здесь остановились в ожидании провожатого из орочей, которого нам обещал проводник наш гольд. В то же время я занялся приготовлениями к сухопутному странствованию, так как идти на лодке было чрезвычайно трудно, а по опасности возвращаться по быстрой реке и совершенно невозможно. Проводник наш гольд скоро привел молодого своего родственника из орочей, ежегодно посещавшего морские берега по нескольку раз, но убедить этого ороча идти с нами стоило большого труда. Целый день 8 июля мы употребили на это и только с помощью гольда, за весьма дорогую плату сумели нанять его. Но и тут он настаивал на том, что поведет нас не туда собственно, куда мы желаем (то есть прямо во Владимирскую гавань), а к той части моря, куда ему известна дорога. Делать было нечего; необходимость заставила согласиться, потому что других проводников поблизости не было, да, по расспросам, и не предвиделось⁵¹. 9 июля утром мы тронулись в путь. Достать лошадей было

⁴⁸ Хуньчунь – маньчжурский город, расположенный недалеко от р. Тумыньцзян.

⁴⁹ На территории ряда районов современного Приморского края к настоящему времени описаны многие памятники раннефеодальных государств: Бохая (698–926 годы) населенного тунгусскими племенами мохэ, а также когурёсцами; Цзинь (1115–1234 годы), или «Золотой империи», созданной чжурчжэнями – племенами тунгусского происхождения. Названная М. И. Венюковым династия Гинь, или Нючжень, – чжурчжэньская династия Цзинь.

⁵⁰ М. И. Венюков, миновав устье р. Даубихе, поднимался по р. Улахэ; местное население отрезок р. Улахэ между устьем ее притока Фудзина и местом ее соединения с р. Даубихе называло рекой Уссури.

⁵¹ Впрочем, я выговорил условие, чтобы идти с нами и во Владимирский порт, если не попадем к нему сразу. Проводник обязан был также быть нашим переводчиком в сношениях с китайцами.

По законам, установленным в Китае правящей маньчжурской династией, вплоть до 1878 года переход китайцев за Великую китайскую стену, проходящую менее чем в ста километрах от столицы государства г. Пекина, строжайше запрещался. Первоначально китайцы попадали в Маньчжурию лишь в качестве военнопленных и рабов маньчжурских феодалов. Систематический, из года в год, из месяца в месяц, голод толкал китайцев на нарушение закона, приводил к массовому проникновению китайского населения в Южную Маньчжурию. К этому же стремились и предпринимательские элементы в самом Китае, опутывавшие сетями экономической зависимости хозяев страны за Великой китайской стеной – маньчжуров. Неукротимая алчность китайских торговцев жень-шенем оказывалась сильнее всяких административных запретов и застав. Китайские авантюристы, торгоши, хунхузы и прочий сброд, просачивавшийся в бассейн Уссури, не ограничивались основанием своих колоний по левобережью, в пределах современной китайской части бассейна на Уссури. М. И. Венюков во время своего путешествия как раз и сталкивался порой с китайскими беглецами,

нельзя. Поэтому мы пошли, имея вьюки на себе; тяжесть каждого из этих вьюков простиралась до 70 фунтов, и сам я, для облегчения других, должен был взять ружье, патронташ и кое-что другое, что составляло до 30 фунтов. Первые переходы вследствие этого были очень трудны. Уже на другой день по выступлении один казак не в состоянии был нести своей ноши, чувствуя сильное стеснение в груди и колотье. Напрасно старался я нанять небольшую лодку, чтобы хотя на некоторое время взять по реке наравне с нами часть наших вещей. Приходилось идти по-прежнему и, к довершению трудностей, не раз бродить через глубокие, от прибыли воды, быстрые речки. 11-го вечером оказалось необходимым, вследствие этого, оставить одного заболевшего казака и при нем часть продовольствия и вещей, которых некому было нести. Лишаясь, таким образом, четвертой доли провизии, которая и без того уже уменьшилась значительно от подмочки, мы, естественно, должны были торопиться ходом, чтобы не подвергнуться при возвращении голоду; но, к несчастью, обстоятельства и тут не благоприятствовали нам и замедляли наше движение. 12 июля останется особенно памятным для нас в этом отношении. В этот день, перед самым обедом, орочен привел нас к весьма глубокому и быстрому броду на Фудзи⁵² и заставил его перейти, уверяя, что затем нам придется бродить уже только через верховья реки. Мы согласились, перебрали по грудь и только что стали раскладывать огонь, как убедились, что впереди есть еще река, потом еще, еще и еще. Наконец, главное русло Фудзи, изогнувшееся в этом месте лукой, загородило нам дорогу, и сделалось ясно, что мы зашли на остров, с которого выйти предстоял немалый труд. Возвращаться назад мне не хотелось, потому что там было пять бродов, и я приказал построить плот. Часа три мы работали, наконец, посадили на него троих и пустили на воду. Мгновенно его отнесло вниз по реке, стало бросать по быстринам и, наконец, выкинуло на островок, где и разбило. Тяжелые минуты проводили мы в ожидании, пока посланные берегом отыскивать уплывших возвратились с известием, что все люди спаслись, хоть и выброшены на противоположный берег. Начали принимать меры, чтобы перевезти их назад, но все было напрасно. Огромное дерево, срубленное у одного берега и упавшее более чем на три сажени на другой, мгновенно было унесено течением; конец веревки не долетал. Необходимо было перебросить к озябшим хоть огня, которого они при себе не имели; это, к счастью, удалось, как и снабжение их небольшим количеством сухарей. После этого, уже около времени солнечного заката, мы могли лишь подумать о пище, которой целый день не принимали, и легли утомленные трудами, совершенно промокшие от дождя и разделенные надвое, без надежды соединиться, потому что река непрерывно прибывала и грозила уничтожить даже и те пять бродов, по которым мы могли возвратиться, чтоб обойти по горам и присоединиться к нашим людям, неожиданно очутившимся впереди.

Рано утром 13 июля мы пустились назад, перешли все пять бродов, еще более глубоких, чем вчера, и часам к двум пополудни вышли снова на тропинку, где и соединились опять все вместе. Как трудно было пробираться по утесистому косовету, составляющему правый берег Фудзи, можно судить по тому, что мы шли по нем полторы версты долее пяти часов, большею частью ползком и поодиночке, чтобы падение одного не было причиной гибели другого. Достигнув благополучно прежней тропинки, я спросил проводника, точно ли он уверен, что не будет впереди таких трудных мест, и приведет ли он нас туда, куда мы желаем, то есть во Владимирскую гавань, фигура которой была объяснена чертежом. Он отвечал утвердительно; к сожалению, последующее движение вперед убедило меня совершенно в противном.

Здесь необходимо объяснить, каким образом перешел я с берегов Уссури в долину

скрывавшимися в южной части Приморского края. Он отмечал их независимость от маньчжуров, считал разбойниками-беглецами и, заключая свои материалы об Уссури, при анализе населения бассейна сообщал, что китайцы «одолжены своим пребыванием на Уссури или бегству от преследований законов, или стремлением нажить за счет туземцев и через отыскивание жень-шеня».

⁵² Фуцзи – р. Фуцзин (длина 110 км).

Фудзи и почему, заметив это отступление, не исправил его немедленно возвращением на настоящий путь. Сущность дела состоит в том, что между туземцами Уссури носит это название лишь от слияния своего с Фудзи, далее же вверх называется Сандугу⁵³. Когда мы договорились с орочем идти к морю, я требовал, чтобы он вел нас по Уссури, а не по Нынту, где существует также тропинка. Уговор этот действительно исполнялся в первые полтора дня, почему я и не имел причины быть строго придирчивым к указаниям проводника. Когда же 11 числа я заметил, что мы постоянно подвигаемся на восток, вместо того, чтобы идти на юг, я допросил подробно ороча, по какой реке он нас ведет, и оказалось, что мы идем по Фудзи. Сначала я хотел вернуться назад к Сундугу; но соображая, что карта д'Анвила показывает вершину Фудзи даже в более близком расстоянии от Владимирского порта⁵⁴, чем самые источники Уссури, и имея в виду пользу от ознакомления со всеми окрестностями гавани, я решился не изменять начатого раз пути и уже при возвращении проникнуть от моря на берега собственно Уссури. Сверх того, все местные жители утверждали единогласно, что тот перевал, к которому мы идем, есть удобнейший из всех и при переходе через него легко даже не заметить горы. Поэтому я и продолжал следование безостановочно, не опасаясь даже за продовольствие, которое казалось возможным приобрести у жителей Владимирской гавани. 15 июля мы действительно перешли невысокий и грязный хребет, отделяющий Фудзи от берегов океана, и вступили в долину Лифулэ, текущей в море.

Вся пройденная нами местность от устьев Нынту до самого перехода в горах представляет непрерывную долину, шириною от полуверсты до четырех верст и очень удобную для поселения. Она покрыта преимущественно отдельными группами вязовых и дубовых деревьев, иногда рошицами, которые на горах переходят в сплошные смешанные леса. Чем ближе подходишь к перевалу через горы, тем чаще встречаются, среди берез, ильмов, осин и других лиственных пород, хвойные деревья – кедр и отчасти лиственница и ель. Великолепные кедровники достигают здесь особенно исполинского роста. Часто над массой берез, ильмов и дубов, в просветы между их ветвями, виднеются высокие стволы этой хвойной породы с увенчанными зеленью вершинами, как бы один лес над другим. Самый хребет порос исключительно елью, а по скатам березой. Длина Фудзи от источников до слияния с Сандугу составляет около 75 верст.

Вступив в долину Лифулэ, называемой орочами Тадуху, я с удовольствием заметил, что эта долина направляется к юго-востоку, то есть не отделяет нас от Владимирской гавани, как было я думал, основываясь на карте г. Ладыженского⁵⁵. Однако же не было никакого сомнения, с первых же шагов, что мы выйдем к морю севернее нашей цели. Вознаграждением за эту неудачу служило отчасти открытие прекраснейших мест для поселения почти в самых верховьях реки, так что расстояние между возможными в будущем соседними поселениями по Лифулэ и Фудзи не будет достигать и 20 верст. Первоначально я надеялся, со слов проводника, достигнуть моря 17 числа, так как вся долина реки не превосходит 55 верст, но по многочисленности рек, которые приходилось перебрывать с осторожностью, мы достигли морского берега лишь 18-го утром. Этот день был очень радостным для нас как потому, что мы видели себя у давно желаемых берегов моря и почти у цели своих странствований, так и потому, что, наконец, впервые с самого отбытия из Уссурийского поста мы не подвергались промоканию от дождя. Сильный ветер, дувший с северо-востока параллельно общему направлению морского берега, не только разогнал тучи, но и очистил весь горизонт от облаков и тумана, которые дотоле носились по горам. Волны моря, гонимые этим ветром, с шумом выбегали на каменистый берег и песчаный бар, где

⁵³ Сандугу – р. Сандагоу.

⁵⁴ Владимирский порт – залив Владимира в современном Ольгинском районе Приморского края.

⁵⁵ Рукописная карта, имевшаяся у М. И. Венюкова.

дробились, образуя полосу бурунов. Дав отдых команде, я сам занялся съемкой местности и обозрением ее, по возможности на дальнее расстояние, с высоты одной горы, которая находится к северу от устьев Лифулэ. Но стоять на вершине этой горы не было никакой возможности, потому что ветер имел там силу урагана, сдувавшего камни. Спускаясь вниз, я пытался было перейти на правый берег Лифулэ, но это мне не удалось по глубине реки и отсутствию лодок. Возвратясь к нашему огню, я приказал поставить на небольшом холме крест и сделать на нем надпись, объясняющую, что я был в этом краю 18 июля 1858 года. Между тем казаки, ободренные после утомительного похода видом моря, деятельно приготавливались к дальнейшему пути: чинили платье и обувь, охотились на тюленей, приводили в порядок свои выюки. Проводник-орочен скитался по берегу, собирая хай-цай, известную морскую водоросль, которая имеет форму волнообразно изогнутых лент кофейного или бурого цвета, длиною до трех аршин.

Утро 19 числа мы провели все еще на берегу морском с целью окончить наше снаряжение в дальнейший путь. После обеда мы успели до вечера сделать около 15 верст и надеялись на другой день рано утром переехать на правый берег Лифулэ и направиться прямо к югу, через горы, чтобы выйти к Владимирской гавани. Так как расстояние до нее от места нашего ночлега, и по моим соображениям, и по словам жителей, едва ли могло превышать 35 верст, то я не сомневался, что 22-го мы достигнем окончательной цели нашего странствования. Снабдив команду продовольствием взамен израсходованного и испорченного, я уже думал перейти Лифулэ и углубиться в горы, как вдруг неожиданное происшествие совершенно расстроило это предположение и заставило нас принять возвратный путь в долину Фудзи.

20 числа орочен наш, износив всю обувь, просил меня обождать с выступлением часов до 11 утра, чтобы успеть сшить на скорую руку бродни или башмаки. Согласясь на его просьбу, я в то же время приказал людям пораньше отобедать, чтобы не останавливаться в тот день уже до ночлега, и пообедал сам. Но едва мы кончили еду и вышли на дорожку, как я почувствовал сильную тошноту, потом шум в ушах и резь в желудке, как бы от употребления чего-то ядовитого. Несколько ковшей холодной воды, выпитые один за другим, заглушили на время припадки, но потом они возобновились с новой силой и перепугали всю команду. Сильный прием рвотного порошка доставил мне облегчение⁵⁶, но слабость после этого была так велика, что я почти уже не мог идти и в следующие два дня шел, опираясь на руку казака. В то же время, когда я лежал на траве, верстах в двух от нашего ночлега, мы услышали большой шум сзади нас и вслед за тем увидели большую толпу китайцев, громко ругающихся с нашим ороченом, которого, по счастью, в это время сопровождал переводчик и один вооруженный казак. Когда подошли они ближе, я узнал, что китайцы, в числе более 30 человек, собрались убить нашего проводника за то, что он показал нам дорогу, и навели на него страх, что он почернел весь, как бы от антонова огня, и совершенно потерял язык. Переводчик, понимавший угрозы китайцев, которые говорили по-ороченски, объяснил мне, в чем состояло дело, и в то же время передал требование их – показать им мою работу. На такие дерзости я мог бы отвечать и выстрелами, не боясь изменить общему миролюбивому характеру наших отношений с туземцами; но китайцы предпочли остановиться от нас в некотором отдалении и уже оттуда повторяли свои угрозы орочену-проводнику. Великого труда после этого стоило нам вести его за собой; сопровождать же нас до Владимирской гавани он решительно отказался и в случае насилия с нашей стороны угрожал бежать, оставив нас без возможности отыскивать дорогу и нанимать китайцев. Хотя последнее обстоятельство и не казалось мне важным, потому что за ороченом легко было строго присматривать, однако же, соображая, с одной стороны, возможность

⁵⁶ Мы обедали в этот день в доме одного китайца, который из гостеприимства непременно требовал, чтобы употреблять для пищи его припасы. Его соль, быть может, и не имела ничего ядовитого, но без сомнения заключала в себе какую-нибудь непривычную для европейцев примесь, потому что имела странный, сладковатый вкус, вероятно, и была причиной болезненных припадков моих.

лишиться провожатого, с другой – необходимость не раздроблять более команды, как бы я думал сделать для отправления оставшегося на Фудзи больного казака к Нынту⁵⁷, и, наконец, не чувствуя в себе самом достаточно сил, чтобы перенести утомительное странствование, – я решился возвратиться в нашей лодке на устье Нынту и, взяв на себя ответственность за не совершенный успех дела, начать возвращение в Уссурийский пост. С глубоким сожалением, разделенным всею командою, повернули мы на прежнюю дорогу и 23 числа пришли в тот китайский дом, где оставили слабого казака и где нашли его теперь совершенно оправившимся.

Этим собственно окончилось мое обозрение реки Уссури и пути от ее верховьев по долинам Фудзи и Лифулэ к морю. Но я не мог остановиться на столь неудовлетворительном решении своей задачи и потому спешил воспользоваться всеми предстоящими способами для пополнения сведений о всей вообще приуссурийской стране и особенно о верховьях самой реки Уссури и соседних морских берегах. Многочисленные показания местных жителей единогласно убеждали меня, что Владимирский порт действительно находится недалеко от источников Сандугу. Но вместе с тем все расспросные сведения заставляют полагать, что перевал от верховья Уссури к морю гораздо труднее, чем на Фудзи, как по высоте горного прохода, так и, в особенности, по изобилию на нем грязи. Характер верхнего течения Уссури совершенно таков же, как Лифулэ и Фудзи, то есть река течет постоянно в долине, суживающейся к югу, и отличается очень быстрым течением, как настоящий горный поток. Из всех побочных рек ее, поименованных у д'Анвиля и в китайской географии, местные жители узнавали только Изцинъ и Фалаху (Фарку), прочие же (Этуми, Эйху и др.) называются ими просто «нючи-бира», то есть маленькая речка. Что касается до долины Уссури от устьев Нынту до самых верховьев, то она немного превосходит расстояние от того же пункта до вершины Фудзи. Проводник наш еще на третий день пути говорил нам, что по Фудзи семь дней хода до моря, а по Сандугу – девять, и то лишь вследствие того, что перевал очень грязен. Что касается до окрестностей Владимирской гавани, то, во-первых, между ею и устьем Лифулэ впадают в море еще две небольшие реки, во-вторых, тропинка с верховьев Сандугу действительно выходит к морю около нее. О пребывании наших судов во Владимирской бухте летом 1857 года вся окрестная страна наполнена слухами и все жители знают, что там поставлен был крест, который и упал впоследствии. В течение первой половины лета настоящего года судов наших там и вообще на соседних водах не было, но пастухи на устьях Лифулэ видели иногда невдалеке от берегов корабли, направляющиеся от севера к югу.

Вообще берег Японского моря, на протяжении от залива Посьета, то есть от корейской границы, до Императорской гавани⁵⁸, очень интересовал меня. Пустынная страна эта со времени Лаперуза и Браутона до последних годов не посещалась ни одним европейцем, и география ее составляет один из самых темных отделов общего землеведения Азии. Совершенное прошлым летом обозрение здешних вод офицерами парохода «Америка» привело к открытию двух превосходных портов: Владимира и Ольги, между 43° и 44° северной широты, но весь берег от 44-й параллели все еще остается очень малоизведанной страной⁵⁹.

К показаниям французского мореплавателя, сделанным 70 лет назад, немного можно прибавить по современному состоянию знаний о побережье Японского моря. Прежде всего

⁵⁷ Казаку этому приказано было дожидаться прибытия нашего, чтобы вместе вернуться к Нынту. Полагая потом идти во Владимирскую гавань и оттуда по Сандугу, я необходимо должен был отправить к нему известие о том и, для безопасности, послать с этой целью на Фудзи двух казаков.

⁵⁸ Императорская гавань – ныне Советская гавань.

⁵⁹ Далее у М. И. Венюкова следовали отрывки из записей экспедиции Лаперуза.

надобно заметить, что французы ошибались в описании конфигурации морских берегов⁶⁰: множество мелких бухт, способных быть превосходными гаванями, вдается во внутренность земли на протяжении от Де-Кастри до устья Суйфун-биры⁶¹. В настоящее время (1859 год) мы знаем от корейской границы до $45\frac{1}{4}^\circ$ северной широты следующие бухты: залив Посьета (рейд Наполеона), порт Брюса, залив Герэн, залив Виктории, бухту Горне, порт Исле, порт Кастьль, залив Ольги (порт Михаила Сеймура), залив Владимира, бухту Шельтер, бухту Сивиллы, Буллок и Тернай⁶², – тринадцать хороших, часто первоклассных по своим удобствам портов на пространстве $2\frac{1}{2}$ градусов широты. Даже классическая страна природных гаваней – южный берег Австралии, прославленный Флиндерсом, не представляет такого богатства. Понятно, почему так дорог юго-восточный берег для нас.

Общий топографический характер побережья именно таков, каким изобразили его Лаперуз и Браутон и каким он представляется в Татарском проливе, между устьем Амура и Императорской гаванью. Большое нагорье Восточной Азии здесь обрывисто спускается в морские бездны. Скалы высятся непрерывно и берегам отлогим оставляют немного места. Во внутренность края нагорье возвышается все больше и больше и везде имеет характер настоящей альпийской страны, то есть не представляет больших возвышенных плоскостей, а волнообразно изрытую почву. С высоты прибрежной горы на устьях Лифулэ окрестная местность представлялась именно такой. Общая ось поднятия этого нагорья составляет с меридианом угол 20° и обозначается почти прямолинейным водоразделом между притоками Уссури и Японского моря. Вся поверхность его, на восток от долины Уссури и низовьев Амура, занимает около 3 600 квадратных географических миль⁶³, то есть равняется поверхности Англии и Шотландии вместе. На этом пространстве только немногие долины врезаются глубоко в общий рельеф почвы. Эти долины вообще шире на западной стороне нагорья и в двух местностях по берегам Уссури образуют настоящие низменности. Первая из этих низменностей начинается в широте 45° и объемлет низовья Ситуху, Кубурхани, Сунгачани, Мурени, Нимани и Шибкэли, распространяясь особенно по левую сторону Уссури. Вторая, соединенная с первой широкой долиной Уссури, лежит на низовьях этой реки, особенно по западной ее стороне, против устьев Хоро и Кия. Я не могу определить величины поверхности этих равнин, но во всяком случае несомненно, что они, простираясь на сотни квадратных миль, совершенно отделяют Восточно-Маньчжурское нагорье от хребтов правого берега Сунгари и средних частей Амура. Уссури является здесь тем же, что представляет Рейн от Базеля до Майнца относительно Вогезов и Черного Леса. На юге, при верховьях Уссури, Добиху и притоков Хинькая, горный массив принимает направление, параллельное экватору и, вероятно, помощью Чакиримудена, сливается с восточным концом Чаньбошаня.

⁶⁰ Экспедиция Лаперуза отмечала, как пишет М. И. Венюков, что «на протяжении 200 верст не было замечено ни одной реки и берег шел прямою линиею, так что судам негде было стать на якорь с достаточною безопасностью от ветров». Ошибочность этих утверждений была вскрыта работами Г. И. Невельского и других русских моряков – исследователей Японского моря.

⁶¹ Суйфун-бира – р. Суйфун, впадающая в Амурский залив.

⁶² Бухты эти получили теперь от русских мореплавателей названия:

Залив Герэн Залив Амурский
Порт Брюса Славянский
Залив Виктория Уссурийский
Бухта Горне Америка
Шельтер Опричник
Сивиллы Пластун
Буллок Джигит

⁶³ Географическая миля равна 7,42 км.

Эти общие черты орографии крайнего Востока Средней Азии, вместе с положением страны по близости моря определяют собой как характер системы вод, так и климатические условия края. Как на противоположной стороне Тихого океана, у западных берегов Америки, горная цепь Кордильеров отделяет близкие к этому морю верховья рек, текущих в Атлантический океан, так и кряж Сихотэ-Алинь разграничивает узкую прибрежную полосу Японского моря от бассейна реки Уссури. Но существенное различие состоит здесь в том, что на азиатском материке возвышенности, вместо одной узкой цепи, образуют сплошное нагорье, тогда как Анды, например, в Чили идут просто непрерывным валом. Размеры приморской полосы Восточно-Маньчжурского нагорья определяются тем, что если взять последовательно расстояния от берегов морских до верховья Уссури, Фудзи, Нынту, Ситуху, Нимани, Бикини, Хоро, то получится ряд цифр: 45, 55, 70, 90, 120, 140, 120, выражающих эти расстояния в верстах и вместе показывающих расширение всего нагорья к северу до 48° северной широты. На параллели устьев Уссури, там, где проходит от востока к западу поперечный хребет Хехцир, расширение это достигает своего maximum'a⁶⁴, так что от деревни Хабаровки до Императорской гавани расстояние не менее 340 верст.

Река Уссури, начавшись у южной оконечности горного кряжа Сихотэ-Алинь, стремится слабо изогнутой к западу дугой почти прямо на север. Источники ее и устье лежат почти в одном меридиане – 132°30' к востоку от Парижа. Наиболее западное положение имеют точки на ней, лежащие между Кубурханью и Сунгачанью. Общая длина всего потока, считая от вершин Сандугу до слияния с главным руслом Амура у деревни Хабаровки, составляет около 750 верст⁶⁵; это расстояние по прямой линии не превышает 450. Если сравнить Уссури с какой-нибудь из наиболее известных рек Европейской России, например с Окой, то, конечно, по длине своей она представляется малозначительной, но по многоводью, которым одолжена началу в горах и многочисленным притокам, она нимало не уступит Оке. По крайней мере, это можно сказать про часть течения с устьев Нимани на север (350 верст). Выше этого устья она уже менее способна к судоходству, но не столько по недостатку воды, сколько по быстроте течения. За Сунгачанью эта быстрота и огромное число отмелей и наносного леса отнимает у нее даже значение хорошей сплавной реки. Таким образом, служить естественным путем сообщения между северо-западным побережьем Японского моря и рекой Амуром она не может. Но взамен того долина ее представляется одной из лучших областей Восточной Азии для успехов земледелия во всех его отраслях. Трудю же человека будет предстоять: устройством железных дорог, так сказать, придвинуть эту страну к самому морю и развить в ней через это все роды деятельности, какими богата европейская гражданственность.

Долина Уссури очень неширока на пространстве от истоков до устья речки Вонго⁶⁶ или почти до 44°40' северной широты. Местами эта ширина достигает 10 верст, но часто она значительно меньше. Несколько ниже устья Вонго горы на левом берегу исчезают, а стрелка при слиянии Уссури с Добиху представляет совершенную равнину на довольно большое пространство. За холмами, которые подходят к руслу Уссури между Кубурханью и Сунгачанью, река окончательно вступает в равнину. Здесь течение ее чрезвычайно извилисто, берега лесисты и масса вод быстро увеличивается от притока Кубурхани, Сунгачани, Дамугу, Мурени и, наконец, Нимани, долина Сунгачани с восточной стороны Хинькая сливается непосредственно с уссурийской; она вся поросла лесом.

Тотчас за устьем маленькой речки Цифаку горы снова подходят к Уссури, и течение ее заметно изменяет характер; делается менее извилистым, спокойным и направляется почти

⁶⁴ Maximum (латинск.) – наибольшая величина.

⁶⁵ О длине р. Уссури по современным данным см. примечание 2.44.

⁶⁶ Вонго – р. Ванга (Правая Ванга), протяженностью 17 км.

прямо к северу. Вся длина этой новой узкой части уссурийской долины, до устья Аома, простирается свыше 150 верст. Горы этих мест, покрытые лесом, представляют много живописных видов, луга в долине почти непрерывны; растительность, несмотря на приближение к северу, так же хороша, как и в широте 44°. С выходом из гор, вплоть до устья, Уссури орошает уже низменность, которая имеет много общего и по топографическому характеру, и по своей природе со среднеамурскими равнинами около Сунгари.

Климат долины Уссури умеренный и влажный. Никаких точных данных для определения средней температуры, барометрического давления и степени сырости воздуха мы, однако же, не имеем.

Очень заметное отличие по своей флоре, так много зависящей от климата, представляет береговая полоса, соседняя Японскому морю. Закрытая от дуновения холодных северо-западных ветров, она, без сомнения, немало разнится по теплоте с соседней на западе приуссурийской страной. Что касается до гигроскопических свойств атмосферы в осмотренном мною краю, то он в этом отношении напоминает Западную Европу, а побережья Японского моря – даже береговую полосу Перу на запад от Кордильеров. Но последняя местность, обильная туманами, почти вовсе не знает дождя, тогда как на востоке густые туманы часто сменяются проливными дождями. Прибыль воды в реках от этих дождей бывает так велика, что, например, на устье Уссури, в Турме, разность между самым низким и самым высоким уровнем летних вод достигает 19 футов.

Относительно растительности и фауны бассейна Уссури и береговой полосы Японского моря мне не много остается прибавить к тому небольшому числу замечаний, которые я сделал местами выше. Недостаток времени, повторяю еще раз, лишив меня возможности собирать растения и животных, воспрепятствовал более близкому знакомству с органической природой страны⁶⁷. Что касается до млекопитающих животных, то я могу упомянуть о медведях двух пород – больших серых и малых черных⁶⁸, ирбизах (*Velix irbis*), обыкновенно называемых в Приамурье барсами⁶⁹, собаках, лисицах, особенно красных, которых не раз видал сам в лесной равнине Верхней Уссури, соболях, впрочем, не драгоценных по меху, выдрах, барсуках (*Melesannakuma*, Siebold), тюленях, белках, очень сходных с нерчинскими, бурундучках (*Tamia*)⁷⁰, изюбрах, диких козах (сайгах), коровах, лошадях и в особенности об огромном количестве крыс. Собаки употребляются здесь везде для езды, и не только зимой в нартах, но и летом на бечеве при плавании в лодках. Птицы малочисленны, как везде в пустынных странах, но водяные – разные виды уток, гуси, лебеди – встречаются целыми стадами. Жители рассказывали, что в некоторых местах эти утки не улетают на зиму к югу, а остаются круглый год: это очень вероятно, если вспомнить, что часть Уссури находится в одних широтах с Азовским морем, где зимовка уток

⁶⁷ Богатые данные об органической природе Уссурийского края собраны г.г. Максимовичем и Мааком, труды которых и должны быть руководством для лиц, желающих ближе узнать ее (1863).

Маак Р. К. (1825–1886) – русский географ и натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока.

⁶⁸ Кажется, что разность цвета виденных мной медвежьих шкур происходит не от того, что неделимые одной и той же породы имеют в молодости шерсть темнее. Если медведь в приуссурийской стране и не представляет двух видов (*species*), то, вероятно, две разности (*varietas*).

⁶⁹ Туземцы говорили о тиграх, но их шкур и их самих я не видел. Г. Шренк полагает, впрочем, что тигры встречаются и севернее по Амуру, до устьев Горина.

Шренк Л. И. (1830–1894) – русский географ и этнограф, исследователь Дальнего Востока, академик.

⁷⁰ В настоящее время для указанных М. И. Венюковым животных приняты несколько иные латинские наименования видов.

обстоятельно и вместе поэтически описана г. Радде⁷¹. Фазанов, о которых говорят Лаперуз и миссионеры, путешествовавшие по внутренней Маньчжурии, мне не случилось видеть, но из порядка куриных встречались голуби и обыкновенные куры, очень большие. Класс гадов имеет представителями множество черепах, не встречающихся, впрочем, южнее Нимани, и змей нескольких пород, между которыми, по словам туземцев, есть и ядовитые. Рыбы в Уссури множество, особенно хрящескелетных. Осетры и белуги составляют главную пищу гольдов. С начала весны и во все время большой воды, то есть до августа, они идут из Амура вверх по Уссури и там мечут икру; с убылью вод они спускаются вниз и тут делаются жертвами промысляющих туземцев, которые в эту пору безотходно сторожат их на отмелях и бьют острогами. Гольды рассказывают, что стоит только заметить в половодье, каким рукавом реки шла рыба вверх, чтобы потом, при убыли воды, наловить в том рукаве огромное ее количество, потому что обратное плавание рыб совершается с точностью по прежней дороге. Что это замечание справедливо, мне удалось убедиться близ Кубурхани, где мы случайно убили на мели веслами белугу пудов в пять весом. Когда ее привезли к гольдам, они сразу угадали место, где мы ее поймали, и сказывали, что сами ждут в этом году обильного улова на этом же месте. Про осетров еще миссионеры-иезуиты рассказывают, что им никогда не случилось видеть такого множества их, как на Уссури. Сомы, сазаны и леци почти так же многочисленны. Все они ловятся для того, чтобы сушить их мясо на зиму.

В обширных лесах Уссурийского бассейна роится несметное множество насекомых. Эти насекомые составляют настоящее зло для местных жителей и особенно для путешественников. Чтобы сколько-нибудь быть спокойным от них, необходимо носить на лице сетку, а голову и шею прикрывать вдвое сложенной и довольно частой легкой материей. Когда в солнечный день нет ветра, то главными врагами человека являются слепни, под вечер же, особенно после дождя, налетают мучительные стаи комаров и мошек. Ни одно животное, какой бы толстой кожей не было прикрыто оно, тем более человек, не может уснуть в это время. Огромные дымовые костры и душные, герметически запирающиеся палатки составляют в этом случае совершенную необходимость. До какой степени комары могут приводить в самозабвение животных, наиболее осторожных, мне случилось видеть на одной дикой козе, которая позволила подойти к себе стрелку не более как на 10 шагов, именно потому, что была, по-видимому, в совершенном беспмятстве от их ужалений. Моя команда, как я и сам, сильно страдала также от этого рода неприятеля, особенно от комаров. Но, впрочем, нельзя сказать, чтобы их было больше, чем, например, на Среднем Амуре. Если уметь хорошо выбрать ночлег на песке, в отдалении от леса и высокой травы, с вечера выкурить дымом из палатки всех насекомых и потом запереть ее, то можно довольно спокойно проспать по крайней мере третью часть ночи. Местные жители, особенно орочи, для предохранения себя от комаров на ночь все спят в маленьких ручных палатках, вроде большого, распоротого вдоль мешка, края которого они подвертывают под себя. Орочи же целое лето не снимают с головы убора, несколько похожего на дорожные капоры.

Население берегов Уссури и всех виденных мною местностей очень малочисленно. Если взять в расчет, что большая часть деревушек, разбросанных на протяжении 770 верст, состоит из одного дома и только в редких случаях из трех, четырех или более, то можно положить, что во всех мне встретившихся 102 населенных пунктах число жителей не простирается свыше тысячи четырехсот душ. И эта цифра мне кажется вероятною только потому, что в южной части моего пути, по долинам Лифулэ и Фудзи, а также на жень-шеневых плантациях по Уссури, я встречал собранными в одном доме иногда до двадцати человек вместе. Вообще говоря, это малочисленное население распределено довольно ровно по всему протяжению моего пути; но нельзя не признать некоторого сосредоточения его на юге, вверх от впадения в Уссури Нынту. Наиболее же слабообитаемую местность составляют прибрежья Уссури между устьем Нынту и впадением

⁷¹ Радде Г. И. (1831–1903) – русский естествоиспытатель, путешественник и этнограф.

Кубурхани. Самые большие из всех деревень, в которых есть свыше трех домов или пятнадцати душ населения, нанесены мною на общую карту Уссурийского бассейна: их всего 24. Если принять во внимание те населенные пункты, которые, по расспросам, находятся в стороне от Уссури, на ее притоках и в береговой полосе, то едва ли все число обитателей крайнего Востока Азии между Уссури и морем, от 44° параллели до Императорской гавани, будет простираться более чем до трех тысяч душ. Взяв в расчет пространство этих земель, получим менее двух человек на квадратную милю⁷², то есть население здесь в восемь раз слабее, чем средним числом в Сибири со включением ее пустынного севера до Ледовитого моря. Такой вывод кажется с первого взгляда невероятным, потому что приуссурийская страна лежит в одних широтах с Ломбардией и Южной Германией, по близости моря, следовательно, представляет выгодные условия для обитания многочисленных человеческих обществ. Но здесь во всей силе проявляется тот непреложный закон, по которому успехи человечества, даже в размножении рода, находятся в прямом соотношении с массой благ, доставляемых цивилизацией. Народы-зверолювы, населяющие весь Восток Азии, по невежеству своему ограниченные в своих потребностях, скитающиеся в обширных лесах, между дикими горами, подвергнуты всем разрушающим влияниям внешней природы и, наконец, не выдерживающие жестокого прикосновения с организованными племенами, – эти народы никогда не могут возрастая даже и в своей численности.

С 1858 года здесь начали селиться и русские, о которых будет упомянуто в приложении. Гольды, наиболее многочисленное племя, распространены по всей Уссури, от Амура до притока Добиху и потом вверх по этой реке. На Уссури, от Добиху до вершин, большинство туземцев составляют орочи. Вся приморская полоса нагорья, особенно к северу от 46 параллели, преимущественно обитаема орочами. Уссурийские гольды ничем почти не отличаются от своих амурских единоплеменников. Несколько десятков других слов для названия предметов⁷³ – вот все отличие их языков между собой. Что же касается до физиологических признаков, типа жилищ гольдов, их одежды, обычаев и поверьев, то уссурийские и амурские единоплеменники ничем не разнятся один от другого. Однообразие условий быта – на реках и в лесах – наложило на них печать строгого единства, поддерживаемого притом родственными связями⁷⁴.

Соседние морю орочи, при большом сходстве с гольдами, отличаются, однако, от них как чертами лица, так и языком, а отчасти и внешней обстановкой своего быта. В устройстве лица орочей уже очень мало заметно этих резких угловатостей, которые так поражают в других народах монгольской расы, например в наших бурятах и более в западных калмыках. Скулы их меньше, нос вовсе не плоский, глаза недалеко отстоят один от другого. Цвет волос их, как и гольдов, черный; но глаза нередко встречаются серые, что менее обыкновенно у гольдов. Подобно всем тунгусским племенам, рассеянным от Енисея до берегов Восточного океана, они имеют сложение худощавое; но уже мышцы рук и ног их не так тощи, как, например, у тунгусов забайкальских. Орочи, как и гольды, носят косы, но остальных волос они не бреют, а подстригают, впрочем, довольно коротко. Женщины у тех и других носят длинные волосы на всей голове. Замечательную черту в устройстве головы орочей составляет большое отношение между вертикальным и горизонтальным ее поперечниками: оттого лицо орочей продолговато, тогда как у гольдов оно гораздо круглее.

⁷² Квадратная миля = 55,8 кв. км; плотность населения Уссурийского края перед заселением его русскими, таким образом, по М. И. Венюкову составляла около 0,03 человека на 1 кв. км.

⁷³ Например, амурские гольды называют рыбу – «сукда», верхнеуссурийские – «имаха»; змей первые – «муйки», вторые – «дзабза»; кормовое весло у лодки первые – «шу», вторые – «кудуку», и т. п.

⁷⁴ К числу нанайцев (гольдов и орочей) М. И. Венюков причисляет также удэгейцев и тазов.

С языком орочей я не имел времени достаточно познакомиться, но, приобретя навык понимать гольдов, понимал и их, потому что множество слов у них общих. Только в выговоре орочей заметна значительная разница: они, например, говорят «ламу» вместо «наму» (море), «била» вместо «бира» (река) и вообще имеют гораздо больше мягких звуков в составе своих слов. Потеря словаря их, взятого мной из «Путешествия» Лаперуза, лишила меня возможности проверить его; составить же новый, хотя бы и самый маленький, я не успел. Проводник мой, знакомый со всеми почти тунгусскими наречиями – собственно тунгусским в Забайкалье, солонским, гольдским и мангунским, говорил мне, что язык орочей ближе всего подходит к солонскому.

Гольды, как и орочи, почти все имеют дома; но все они летом предпочитают юрты, с которыми и кочуют по берегам реки. Юрты гольдов большей частью камышовые и соломенные; юрты орочей берестяные. У гольдов юрты часто плетеные, переносные в полном составе и имеющие форму домиков с дверью и вертикальными стенами. Орочи и многие другие гольды живут в конусообразных шалашах, основа которых из жердей всякий раз новая. Дом гольда обыкновенно невелик и не имеет того большого окна во всю стену, которое составляет необходимую принадлежность жилища собственно китайцев. Кан, или низкая печь, с вмазанным в нее котлом и длинной трубой под кирпичными нарами вокруг стен, делается точно так же, как и у китайцев⁷⁵. Кирпич приготавливают из глины с соломой, а под и стены печи одевают обыкновенным. Кроме большой канной печи, есть еще почти всегда маленькая, переносная, вроде употребляемой в химических лабораториях или вроде жаровни, на ней непрерывно тлеют уголья и греется небольшое количество воды. Бедные гольды заменяют эту печь очагом посреди комнаты, составленным иногда из двух камней, иногда из деревянного ящика, обмазанного глиной. Кроме ящиков для хранения одежды, провизии и воды, кроме небольших шкафчиков для посуды, почти всегда у гольдов есть небольшая образница, перед которой на поперечных балках дома развешаны цветные бумажки с вырезанными на них узорами. Поклоняются ли гольды этим картинкам у себя в домах каждый день или нет – мне не удалось заметить; что подобные же изображения в отдельных часовенках, особенно на вершинах гор, пользуются их уважением, это я видел не раз. Как перед домашними божками, так и перед покровителями гор всегда стоит маленький ящичек или корытце, наполненные иногда ячменем или просом, иногда же просто песком. При таких часовенках стоят чугунные горшки, в которые звонят перед поклонением небольшой палочкой. Перед кумиренками около домов обыкновенно находится два шеста для вешания фонарей в большие праздники, которые у гольдов, впрочем, не совпадают с китайскими. Множество лоскутков, веточек, соломинок и других мелочей всегда навалено в часовенке проходящими, которые ищут покровительства местных духов, подобно тому, как это делают у нас буряты, еще верные шаманству. Вообще шаманство есть, по-видимому, господствующая система религиозных понятий у гольдов. Шаманы имеют свой особенный костюм, в котором железные остроконические колокольчики без языков и медные бляхи играют главную роль, так что подобная одежда весит очень много и брэнчит при малейшем движении. При исполнении обряда призывания духов шаманы употребляют бубен и вообще совершают свое дело точно так же, как оно делается у всех тунгусских племен Северо-Востока Азии. Существует ли у шаманов (как у нас) своя особая практическая медицина, или же они исцеляют все болезни только молитвами и заклинаниями, – это мне не случилось узнать.

Одежду уссурийские гольды носят такую же, как и амурские, то есть коротенькую рубашку, еще более короткую куртку, узенькие панталоны и ботинки из рыбьей кожи, выше которых, до колен, ноги обвертываются холстинными онучами вроде бинтов. Большую часть года гольды не носят, впрочем, никакой обуви, а дома у себя и всегда ходят босиком. Платье

⁷⁵ Точнее сказать, что китайцы следовали нанайцам в устройстве канов, а не наоборот, поскольку далекие южане-китайцы не нуждались у себя на родине в устройстве обогревателей, подобных канам.

у женщин длинное, вроде блузы или шляфора, всегда окаймленное понизу узорчатым шитьем или тесьмой. В ушах носят серьги и волосы заплетают в несколько кос. На руках, как у женщин, так и у мужчин, часто встречаются браслеты; они большей частью медные, но у богатых гольдов бывают и серебряные. Я уже имел случай упомянуть, что браслеты надевают и мертвым, вероятно, как символ чего-либо, нужный в загробной жизни. Некоторые из ороченосов носят, как украшение, серьги в носу, но у гольдов этого обычая нет.

Необходимую принадлежность гольда-промышленника составляют оружие для охоты и разного рода снаряды для рыбной ловли. Несмотря на то, что звериный промысел у них составляет одно из главных занятий, которое доставляет часть пищи и зимнюю одежду, они мало имеют ружей и часто ограничиваются употреблением лука со стрелами и копьями. Как только осенние морозы заставят пожелтеть листья на деревьях и несколько подсушат влажную почву в лесах, гольды всей массой уходят в эти леса и деятельно преследуют зверей, мелких и больших, смотря по силам и средствам каждого. Белки, соболи и лисицы составляют преимущественный предмет этой осенней ловли. Когда период этой охоты кончится, тогда продолжают заниматься ловлей зверей разными снастями или ловушками, которые в большом употреблении, особенно на соболей. В то же время промышленники охотятся на медведей, которые еще не успевают истощать в своих берлогах. Преследование других больших зверей – ирбизов, диких коз, изюбрей – продолжается круглый год. Их кожи, после незначительной выделки, употребляются на обувь и на зимнюю одежду. Что гольды ценят эти предметы, видно из того, что они охотно покупали их у казаков, когда этим последним удавалось что-нибудь добыть с ружьем. Другие меха, напротив, дешевы, так что белку, например, гольды отдают по 1½ и 2 копейки серебром за штуку. Мясо убитых зверей, почти всех пород, обыкновенно употребляется в пищу самими туземцами Уссури, но некоторые части составляют исключительную принадлежность собак. Эти собаки в большом количестве находятся почти у всех гольдов; кроме охоты, они употребляются и для езды, но обыкновенно охотничья собака не возит уже своего хозяина, а обязанность эта лежит на нескольких других, совершенно из той же породы. Мне не удалось видеть зимних экипажей и упряжи гольдских собак, но взамен того я был свидетелем, как эти собаки тянули бечевой лодки и таскали вдоль ручьев толстые кедровые доски и бревна, нужные для лодок и на другие поделки. При всех этих работах они держатся в большом порядке и имеют к ним особый инстинкт или понятливость. Я не знаю, так ли злы собаки гольдов в запряжке, как гиляцкие и камчатские, но когда их отпускали с бечевы, то они робко убегали в сторону при встрече с нами. Взамен того, собаки эти составляют очень хорошую стражу при домах и юртах гольдов, где встречают проходящих всегда громким лаем. Некоторые из них держатся хозяевами на цепи, и такие, разумеется, особенно злы. Как приучают гольды езжалых собак к охоте и охранению домов, этого мне не удалось узнать, но во всяком случае видно, что уссурийская порода имеет (более) многосторонние наклонности, чем камчатская. Собаки на Камчатке, как говорит отец протоиерей Громов, не имеют инстинкта сторожить, а рождаются с инстинктом возить, они, кроме того, и не лают.

Для рыбной ловли каждый гольд, куда бы ни ехал по реке, имеет всегда с собой острогу, которой бьет не только крупных осетров и белуг, но и более мелких сазанов, лещей и пр. Искусство их в этом случае удивительно. Сидя в маленькой берестяной лодочке (оморочке), гольд тихо подъезжает, с лопатками в руках вместо весла, к месту, где надеется найти рыбу, и зорко сторожит ее. Едва увидел он добычу, на приличной глубине, как уже трезубец его остроги достигает ее, и гольд вытаскивает рыбу из воды или же ждет, когда она утомится и перестанет водить его по реке, как это бывает в том случае, когда попавшаяся рыба – большая белуга или осетр. Кроме остроги, гольды употребляют и сети. Вода вообще такая стихия, на которой гольды проводят едва ли не столько же времени, как и на земле. Во всякую погоду и на каком угодно месте реки они пускаются плавать в легоньких лодках, иногда с безрассудной отвагой. Еще на Амуре, ниже Сунгари, во время бури, которая произвела такое волнение, что палубу высокого парохода непрерывно обливало брызгами, я видел двух гольдов, пожилого и мальчика, которые быстро неслись по реке в маленькой

лодке, непрерывно захлестываемой валами. У лодки этой недоставало даже носовых досок, а парусом служил мешок, который надувался ветром наподобие пузыря. Необходимость спасти установленные на противоположной стороне реки снасти заставила их решиться на подобное плавание.

Кроме звериной и рыбной ловли, гольдам знакомы немногие лишь отрасли промышленности. Они сеют ячмень, просо, кукурузу, картофель, огурцы и табак. Табак составляет для них необходимость и возделывался ими еще во времена иезуитов XVIII столетия.

Таковы главные черты ежедневного, или домашнего, быта гольдов на Уссури. Они, можно сказать, исчерпывают и все содержание их жизни. Никаких признаков общественного устройства у них незаметно. Не только государственные организации, но и патриархальный родовой быт у них не созрели. Семейные связи заметнее, но и они, по-видимому, не имеют очень большого значения. Молодые люди до известного возраста, конечно, состоят на попечении и в послушании родителей; но как только они становятся способными сами независимо заниматься промыслами, зависимость эта исчезает и отец с сыном становятся в отношении совершенного равенства, подобно двум братьям. Только в тех случаях, когда они живут в одном доме, старший пользуется некоторыми признаками особого уважения; но и тут он ничем не распоряжается, ни в чем не является главою семьи. Всякое дело, всякое предприятие начинается с общего согласия, и при исполнении никто не принимает роли руководителя, а каждый делает, как находит лучше. Гольды-соседи, хоть бы и родственники, никаких старшин между собой не имеют и как разбирают случайные неприятности одного с другим, трудно сказать. Вероятно, дело решается по праву сильного. Впрочем, надо сказать, что и поводов к ссорам у них бывает очень немного. Право собственности каждого, по обычаю, уважается так свято, что в этом смысле преступлений между гольдами бывает, вероятно, очень немного; а затем, что может возжечь вражду между людьми, которые редко и видят друг друга? Конечно, и в этом младенческом состоянии народа среди него неизбежны преступления и дела против обычаев и совести, но кто карает их и имеют ли гольды понятие о суде третьего лица над двумя враждующими, этого я не могу сказать. Во всяком случае, можно не без удовольствия заметить, что кровожадные обычаи не проникли на Уссури. Тихие, даже робкие гольды с покорностью судьбе выносят ее удары, и кровавая месть есть дело им совершенно неизвестное.

Важным условием, связывающим разбросанных на обширном пространстве туземцев Уссурийского края в одно племя, являются родственные связи, особенно браки. Браки между гольдами устраиваются преимущественно по согласию родителей. Отец мальчика еще в отроческих годах последнего находит ему невесту, которую с согласия ее родителей и берет к себе в дом. Молодые люди растут вместе, как брат с сестрой, до известного возраста; когда же наступит пора совершеннолетия, их свадьба справляется пиром, и после этого они вступают во взаимные отношения супругов. Пора эта наступает для гольдов рано: лет в 18 для мужчин и лет в 15 для женщин. Это обстоятельство производит то, что гольды впоследствии скоро старятся и вообще редко достигают совершенного развития. Дети молодых супругов редко бывают долговечны, а потому смертность между гольдами велика. Благоразумные старики понимают это и женят своих сыновей лет в 20 и позже.

Но кроме этих условий, кроме общих религиозных поверий и одного языка, неужели туземцы Приуссурийского края не имеют других оснований для признания себя единоплеменниками? Самое единообразие языка не поддерживается ли в них чем-нибудь? У большей части народов в этом случае является сильным связующим средством одна общая поэзия. Песни и сказки до такой степени свойственны всем младенчеству племенам, что было бы трудно привести несколько примеров совершенного их несуществования у самых забытых историей народов. Уссурийские гольды и орочи, по-видимому, представляют, однако же, пример такой бедности словесных произведений фантазии. Конечно, при коротком, двухмесячном знакомстве с ними я не мог узнать их словесности; но мне ни разу не удалось слышать что-либо похожее на цельное, хотя нестройное и

необработанное, создание их поэзии. Когда проводники мои, из орочей или гольдов, начинали однообразным напевом выражать поэтическое настроение своей души, я внимательно прислушивался к их словам, но ничего, подобного законченной и связной песне, мне не удавалось слышать. Чувство свободной природы, ее красот и ужасов, чувство любви или родственных привязанностей оживляет грудь обитателя Крайнего Севера Азии, но оно всегда совершенно лично, преходяще, и ему чужда стройная форма выражения. Когда при возвращении моем с Фудзи я вышел в долину Уссури и отправил моего проводника-ороча на лодке, вместе с больным, к Нынту, где был его дом, он пел, что Сандугу быстрая река и по ней недолго будет плыть, что он скоро будет дома, что жена его хорошая и пригожая, давно ждет его, что мать его плачет в разлуке с ним, но ни малейших следов поэтического построения в его песне не было. Эта импровизация представлялась просто произведением взволнованного чувства, и с успокоением его при свидании все произведение фантазии ороча было им безвозвратно забыто. К этому можно прибавить, что он во все продолжение своего то заунывного, то радостного пения беспрестанно примешивал к предметам, им воспеваемым, то нас, русских, то встречавшиеся горы и долины, то испытанные на пути трудности – и все это без малейшего порядка и связи, так, как предметы появлялись в его воображении.

Этими немногими подробностями о жителях берегов Уссури я мог бы окончить мои заметки, если бы не было необходимости сказать еще несколько слов о китайцах. Переселенцы эти из Срединного царства одолжены своим пребыванием на Уссури или бегству от преследований законов, или стремлением нажиться на счет туземцев и через отыскивание жень-шеня. Сообразно с этим они и представляют три различия как бы класса местных обитателей Уссури. Одни живут постоянно в домах, большими артелями, и кроме земледелия, а зимой звероловства ничем не занимаются – это беглые китайцы верховьев Уссури, Лифулэ и Фудзи. Они почти не имеют женщин в своем обществе и женятся иногда лишь на ороченках. Другие, жалкие искатели орходы (жень-шеня), проводят жизнь летом в горах и лесах, а зимой на работе у более оседлых своих единоплеменников. Третьи, наконец, и очень немногие, промышляют покупкой соболей и жень-шеня, взамен которых дают туземцам дабу, холст и кое-какие мелочные изделия. Некоторые из них бывают с теми же коммерческими целями на Амуре, и я знаю одного, в деревне Нимань, который жил в Мариинске и говорит несколько по-русски. Торгаши эти, впрочем, занимаются и земледелием, но они производят работы не сами, а с помощью гольдов или менее состоятельных своих единоплеменников. Для торговых целей они находятся в сношениях с Саньсином на западе и с Хуньчунем на юге. Каковы их обороты и скоро ли они наживаются от них – это мне неизвестно.

*Река Амур.
Август и сентябрь 1858,
а исправлено 11 декабря 1863.*

Приложение

О русском населении на Уссури в 1862 году

Наиболее подробные сведения о русском населении берегов Уссури были собраны и сообщены Географическому обществу в рукописи бывшим начальником уссурийских казаков фон Стенбоком. Г. Стенбок изложил при этом много экономических подробностей о состоянии нового края; но здесь приводятся лишь важнейшие данные.

Общее число душ русского населения в долине реки Уссури простиралось в конце 1862 года до 6000. Люди эти жили в 26 станицах, начиная от устья Сунгачани до впадения Уссури в Амур. Центр управления этим населением составляет станица Казакевичево, возникшая еще в 1858 году.

Все поселенцы – казаки, составляющие особый пеший батальон и обязанные в случае войны выставлять даже два батальона (что едва ли возможно при 6000 душ), в мирное же время ограничивающиеся только высылкою на местную службу 250 человек. Состав этого населения двоякий. Семейные поселяне суть бывшие забайкальские казаки, бессемейные – солдаты гарнизонных батальонов, сосланные на Амур в 1859–1860 годах, весьма порочные и мало пригодные для оседлой земледельческой жизни. Они здесь, как и на Амуре, известны под именем «сынков», потому что первоначально были распределены по семействам казаков для помощи им в работах. В двух станицах они образуют артели, пользующиеся правами семейств, так что правительство этим артелям дает то же вспоможение, как казакам, то есть земледельческие орудия и рабочий скот. Но эти артели составляют ничтожное исключение из массы солдат-холостяков, между которыми 635 человек совершенно празднующихся⁷⁶.

Земледелие в Уссурийском крае развивается медленно, столько же по бедности жителей, неизбежной, пока они останутся казаками, как и по случайностям сплавов семян и от бывших наводнения в 1861 году и засухи в 1862. Однако в последнем году были разработаны уже 1 184 десятины и из них 781 засеяны. Работы частью производятся еще руками людей, а не орудиями, запрягаемыми рабочим скотом, – по недостатку последнего. Но это не мешает европейским хлебам в первый уже год давать урожай сам-восемь и больше.

Правительство, ценя важность скорого заселения Уссурийского края, дозволило в нем частным лицам искать золото, что запрещено в других частях Приамурья. Доселе, однако, не слышно о промышленных предприятиях в этом роде. Казенные поисковые партии ходили в южной части Уссурийского края и нашли золото, но разработка его пока не может окупиться.

⁷⁶ К 1863–1864 годам в Приамурье было переселено до 15 тысяч штрафных солдат. Многие из них расценивали свое переселение как кару.